

•

АЛЕКСАНДР
ГУСТАВОВИЧ
БРИКНЕР

•

ИСТОРИЯ
ПЕТРА
ВЕЛИКОГО

•

История Подарочная

Александр Брикнер

История Петра Великого

«Издательство АСТ»

2023

УДК 94(47)"16/17"
ББК 63.3(2)46

Брикнер А. Г.

История Петра Великого / А. Г. Брикнер — «Издательство АСТ»,
2023 — (История Подарочная)

ISBN 978-5-17-154537-6

Александр Густавович Брикнер (1834–1880) – известный российский историк немецкого происхождения, доктор философии, профессор. Его важнейшие труды посвящены, культурной и политической истории России XVII и XVIII веков. Монументальный труд Брикнера «История Петра Великого» всесторонне и беспристрастно характеризует личность Петра Великого. Детство и юность российского императора, годы учения в Европе, подавление стрелецкого бунта, Азовские походы, Северная война, преобразование старой России в сильное государство – обо всем этом Александр Густавович повествует легко и увлекательно, воссоздавая колорит эпохи великих преобразований, в полной мере выявляя значение петровской реформы для развития российского государства и общества. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(47)"16/17"
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-17-154537-6

© Брикнер А. Г., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Том первый	8
Введение	8
Часть первая	15
Глава I. Детство Петра (1672–1689)	15
Глава II. Кризис 1682 года	29
Глава III. Начало регентства Софьи	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Брикнер
История Петра Великого
(в двух томах)

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Александр Густавович Брикнер (1834–1880) – известный российский историк немецкого происхождения, доктор философии, профессор.

Главной темой, вокруг которой группировались его крупные труды, являлся процесс «европеизации» России путём проникновения в нее западно-европейских понятий и интересов. Брикнер А.Г. был не только самостоятельным исследователем, но также и популяризатором новых явлений в русской историографии, посвященной вопросам политической и культурной истории XVII–XVIII вв.

Том первый

Введение

Историческое развитие России последних веков заключается главным образом в превращении ее из азиатского государства в европейское. Замечательнейшей эпохой в процессе европеизации России было царствование Петра Великого.

Изучение начала русской истории наравне с исследованием происхождения других государств представляет целый ряд этнографических вопросов. Нелегко точно определить происхождение и характер разнородных элементов, встречающихся на пороге русской истории. Зачатки государственной жизни, сперва в Ладого, затем в Новгороде, немного позже в Киеве, относятся к появлению и взаимодействию различных племен славян и варягов, финских и тюрко-татарских народов. Многие явления этого самого раннего времени, несмотря на все усилия ученых, остаются неразгаданными; сюда необходимо отнести и вопрос о варягах. Мы не беремся решить: славянам или неславянам должно приписывать ту силу и смелость, ту воинственность и предприимчивость, которые обнаруживаются в первое время истории России в больших походах к берегам Волги и Каспийского моря и на Византию.

Как бы то ни было, но с первого мгновения появления славян на исторической сцене в России заметно более или менее важное влияние на них иностранных, иноплеменных элементов. С одной стороны, славяне смешиваются с представителями Востока, с находившимися в близком соседстве степными варварами, с другой – они находятся под влиянием западноевропейской культуры.

Особенно же сильным было византийское влияние. Византия стояла в культурном отношении гораздо выше других соседей России. От Византии Россия заимствовала религию и церковь. Однако не во всех отношениях влияние Византии было полезным и плодотворным. Византийское влияние характеризовалось преобладанием в миросозерцании русского народа в продолжение нескольких столетий чрезмерно консервативных воззрений в области веры, нравственности, умственного развития. И о светлых, и о мрачных чертах византийского влияния свидетельствует «Домострой». Приходилось впоследствии освобождаться от домостроевских понятий, воззрений и приемов общежития. Византийского же происхождения были и монашество в России, и аскетизм, находящийся в самой тесной связи с развитием раскола.

Одновременно с этим влиянием Византии на Россию заметно старание римской церкви покорить Россию латинству. Попытки, сделанные в этом отношении при Данииле Романовиче Галицком, Александре Невском, Лжедмитрии, остались безуспешными; все усилия, направленные к соединению церквей, оказались тщетными. С одной стороны, в этом заключалась выгода, с другой – в таком уклонении от сближения с Западной Европой представлялась опасность некоторого застоя, китаизма. Отвергая преимущества западноевропейской цивилизации из-за неприязни к латинству и пребывая неуклонно в заимствованных у средневековой Византии приемах общежития, Россия легко могла лишиться участия в результатах общечеловеческого развития.

К этому злу присоединилось татарское иго. Россия сделалась вассальным государством татарского Востока. Влияние татар оказалось сильным, продолжительным. Оно обнаруживалось в сфере администрации и государственного хозяйства, в ратном деле и в судостроительстве, в отношении к разным приемам общежития и домашнего быта. О мере этого влияния можно спорить, но самый факт и существенный вред его не подлежат сомнению. Зато в духовном отношении сохранилась полная независимость от татар, между тем как в нравах и обычаях обыденной жизни, в усиленной склонности к хищничеству, в казачестве, в ослаблении чувства

права, долга и обязанности, в нравственной порче чиновного люда, в порабощении и унижении женщины нельзя не видеть доказательств сильного и главным образом неблагоприятного татарского влияния.

Результатом совместного влияния Византии и татар на Россию было отчуждение ее от Запада в продолжение нескольких столетий, а между тем важнейшее условие более успешного исторического развития России заключалось в сближении с Европой, в солидарности с народами, находящимися на более высокой степени культуры и пользовавшимися более благоприятными условиями для своего дальнейшего развития.

Первым и главнейшим средством для достижения этой цели было объединение России. Освобождение от татарского ига обуславливалось образованием сильного политического центра – Московского государства. Представители последнего приступили почти одновременно к решению задачи восстановления политической самостоятельности России и к принятию мер для доставления ей возможности участвовать в общечеловеческом прогрессе. И в том и в другом отношении успехи «собирателей Русской земли» замечательны. Обозревая целый ряд северо-восточных государей, начиная с Андрея Боголюбского и до Ивана III, нельзя не заметить во всех необычайной стойкости воли, трезвости политического взгляда, сознания нужд государства. В их подвигах, в стремлении к политическому единству, к независимости, к развитию монархического начала им помогал народ, собравшийся в плотную силу вокруг Москвы.

Последовательность и целесообразность действий московских государей обнаруживались в борьбе с татарами на Волге. Во что чтобы то ни стало нужно было взять Казань. Недаром окончательный успех 1552 года произвел столь глубокое впечатление на современников. Наравне с Мамаевым побоищем взятие Казани делалось любимым предметом народной поэзии. Личность Ивана IV, не выказавшего, впрочем, особенного мужества, благодаря этому событию и несмотря на следующую затем эпоху террора, долго пользовалась некоторой популярностью. Летописцы говорят о его подвиге с жаром стихотворцев, призывая современников и потомство к великому зрелищу Казани, обновляемой во имя Христа.

Борьба между исламом и христианской верой была в полном разгаре. «Исчезла прелесть Магометова, – говорил Иван народу, – на ее месте водружен святой крест». После многих веков унижения и страдания возвратилось, наконец, счастливое время первых князей-завоевателей. Недаром митрополит сравнивал Ивана с Константином Великим, с Владимиром Святым, с Александром Невским, с Дмитрием Донским; недаром жители степей и кибиток защищали Казань с таким ожесточением; здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя московского. До тех пор пока существовала Казань, дальнейшее движение славянской колонизации на восток не имело простора; со времени взятия Казани европеизация Азии могла считаться обеспеченной. Более резко, чем когда-либо до этого, пробудилось чувство антагонизма между Россией и исламом.

Тем важнее было именно то время, когда Россия благодаря победе, одержанной над Азией, сделалась более доступной влиянию западной цивилизации. Другое событие, случившееся год спустя после взятия Казани, – открытие англичанами морского пути в Белое море. Пробираясь дальше по берегам Северного океана, английские мореплаватели Уйллоуби и Ченселор надеялись доехать до Китая и Индии. Первый стал жертвой этой полярной экспедиции; второй оказался около устья Северной Двины.

Этот факт составляет эпоху в истории торговых отношений между Востоком и Западом. Для России такое географическое открытие было самым важным условием сближения с Европой. Однако оказалось, что народы Запада гораздо более стремились к Востоку, нежели русские к Западу. Русским за несколько десятилетий до Ченселорова путешествия была известна дорога морем вокруг северной оконечности Скандинавии. Этим путем ехали в Западную Европу русские дипломаты – Григорий Истома в 1496 году, а немного позже Василий Власьев

и Дмитрий Герасимов. Несмотря на это, не ранее как после прибытия англичан с запада к устью Двины означенный путь стал весьма важным для торговли. Английские моряки, купцы, промышленники, приезжавшие в большом числе в Россию и отправлявшиеся через Россию дальше, в направлении к Китаю, Индии, Персии и проч., сделались полезными наставниками русских. В продолжение полутора столетий место около Двины, где англичане устроили свою главную контору, имело для сближения России с Западом то значение, какое впоследствии получил Петербург.

Открытием северного пути в Россию было обеспечено дальнейшее сближение с западной цивилизацией. Пока, однако, сообщение с Европой было сопряжено с большими затруднениями вследствие враждебных отношений друг к другу Польши и Московского государства.

Польша весьма долгое время на Западе считалась оплотом против враждебного Европе Востока. К последнему обыкновенно относили Московское государство, о котором существовали такие же мнения, какие были распространены о Персии или Абиссинии, Китае или Японии. Польша в области цивилизации вообще и ратного искусства в частности стояла выше России; к тому же Польша через свои связи с Римом и иезуитским орденом на Востоке, по отношению к России занимала такую же позицию, какую на крайнем западе Европы занимала Испания по отношению к Англии. Одновременно со сближением между Англией и Россией Польша, располагая довольно значительными средствами вдоль западной границы Московского государства, заслоняла Европу от России.

Мало того, России, только что вышедшей победительницей из борьбы с Азией, грозила опасность лишиться вновь недавно приобретенной самостоятельности и превратиться в польскую провинцию. Эту цель имели в виду и фанатические представители католицизма в Польше, и некоторые из польских королей и вельмож. Перевес Польши над Москвой обнаружился во время войны Стефана Батория с Иваном Грозным, а еще более в Смутное время. Впрочем, ожидание, что первый Лжедмитрий делается орудием польских интересов, оказалось лишним основанием. «Тушинский вор» был доступнее польскому влиянию; когда затем, после свержения с престола царя Василия, полякам удалось принудить бояр к избранию в московские цари королевича Владислава, можно было опасаться совершенного уничтожения независимости Московского государства.

Тем не менее Россия не сделалась польской провинцией. Спасение ее заключалось в пробуждении национального чувства и сознания собственного достоинства, в ненависти к латинству, в ожесточении против врагов, безжалостно опустошавших даже центральные области Московского государства, в преобладании здоровых элементов в народе, одержавших верх над противообщественными и противогосударственными элементами на юге и юго-востоке России.

Изгнание поляков из России, протест против всяких притязаний Польши на русский престол, избрание царя Михаила Федоровича, восстановление порядка после долгого времени неурядицы и безначалия – все это было геройским подвигом народа, было не только спасением, но обновлением государства, обеспечением его будущности.

Многого, однако, еще недоставало для установления мирных и благоприятных отношений между Польшей и Россией. Не ранее как в 1667 году заключением мира в Андрусове кончилась ожесточенная борьба, в которой большие города – Смоленск, Киев, наконец, Малороссия, – являлись яблоком раздора. В продолжение этого времени изменилось соотношение сил и средств обеих держав. Все более и более обнаруживался упадок Польши. Присоединение Малороссии к Московскому государству могло некоторым образом считаться началом раздоров Польши.

Во время этой ожесточенной и упорной борьбы Россия оставалась отрезанной от Западной Европы; по крайней мере, сообщение с Западом прямым путем встречало препятствия. Путь из Москвы в Западную Европу шел через Архангельск и вокруг Норвегии. Нельзя удив-

ляться тому, что русские дипломаты, путешествовавшие, например, в Италию, по несколько месяцев находились в дороге, подвергаясь страшным опасностям.

В связи с тем что Швеция имела большой вес в мире, Россия оставалась долго отрезанной от берегов Балтийского моря. Старания Ивана IV в середине XVI века и царя Алексея Михайловича столетием позже завладеть Прибалтийским краем не имели успеха. Недавно Густав Адольф по случаю заключения Столбовского договора в 1617 году с радостью говорил: «Великое благодеяние оказал Бог Швеции тем, что русские, с которыми мы исстари жили в неопределенном состоянии и в опасном положении, теперь навеки покинут разбойничье гнездо, из которого прежде так часто нас беспокоили. Русские – опасные соседи; границы их земли простираются до Северного, Каспийского и Черного морей; у них могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города; они могут выставить в поле большое войско; а теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить на Балтийское море. Большие озера – Ладожское и Пейпус, Нарвская область, тридцать миль обширных болот и сильные крепости отделяют нас от него; у России отнято море, и, Бог даст, теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек».

Из всего видно, какое значение имели для России восстановившиеся, наконец, мирные отношения с польскими соседями. Обеспеченная со стороны Польши, Россия могла думать о решительных мерах против набегов татар, о наступательном движении к берегам Черного и Азовского морей. Польша и Россия решились вместе действовать против татар и турок; Польша и Россия соединились немного позже для борьбы против Швеции. Таким образом, после того как в начале XVII века положение России было крайне опасным, чуть не отчаянным, во второй половине того же столетия для нее открывались в разных направлениях новые пути торговли, возбуждались богатые надежды, рождалась новая политическая деятельность.

И не только в политическом отношении мир с Польшей принес богатые результаты. Польша более чем прежде могла сделаться школой для России. Отсюда можно было заимствовать вкус к занятиям науками; из Польши и из Малороссии, где академия служила рассадником молодых ученых, русские вельможи выписывали для воспитания своих детей домашних учителей и наставников. Польские нравы, знание польского языка, знакомство с латинским языком стали входить в обычай в некоторых кругах высшего общества в Московском государстве; малороссийские богословы, учившиеся в Западной Европе, начали приезжать в Россию, где успешно соперничали с греческими монахами и учеными, приезжавшими из турецких владений. В области драматического искусства, музыки, литературы становилось заметным польское влияние. Первые приверженцы западноевропейской цивилизации – Ордын-Нащокин, Ртищев, А. С. Матвеев, кн. В. В. Голицын – весьма многим были обязаны польскому влиянию. И первые государи царствующего дома Романовых находились под влиянием польской культуры. Отец Михаила Федоровича, Филарет, несколько лет прожил в Польше; Алексей Михайлович принимал личное участие в войнах с Польшей в то время, когда русские войска пребывали в неприятельской стране, при дворе Федора Алексеевича некоторое время господствовали польские нравы и польские моды. Петр родился в то время, когда уже завязалась борьба между стариной и новизной, между восточным китаизмом и западноевропейским космополитизмом, между ограниченностью исключительно национальных начал и общегуманистическими воззрениями.

Одновременно с развитием готовности России вступить в отношения с Западом усиливалось и внимание, обращаемое на Московское государство со стороны Западной Европы.

До XVI века на Западе почти ничего не знали о России. Затем труд Герберштейна некоторое время оставался главным, чуть ли не единственным источником познаний, относящихся к Московскому государству. Устные рассказы Герберштейна о его пребывании на Востоке казались многим современникам, например, брату Карла V Фердинанду, Ульриху Гуттену и другим, в высшей степени достойными внимания и занимательными. Открытие англичанами мор-

ского пути в Россию через Северный океан имело следствием появление целой литературы о России, так что знаменитый поэт Мильтон, написавший в XVII столетии краткую историю России, мог при составлении своего труда указать на целый ряд английских сочинений об этом предмете.

Русский царь Алексей Михайлович и царица Наталья Кирилловна.

Гравюра из книги 1900 г.

Во второй половине XVI века появились на Западе опасения относительно быстрого развития сил и средств России. Когда туда начали отправляться в большом количестве ремесленники и художники, инженеры и артиллеристы, рудознатцы и офицеры, не раз был возбужден вопрос о необходимости запрещения такой эмиграции. Между прочим, герцог Альба, знаменитый полководец эпохи короля Филиппа II, в послании к сейму во Франкфурт от 10 июля 1571 года, выставял на вид необходимость запрещения вывоза из Германии в Россию воен-

ных снарядов, в особенности огнестрельного оружия¹. Король польский Сигизмунд писал к королеве английской Елизавете в 1567 году: «Дозволить плавание в Московию воспрещают нам важнейшие причины, не только наши частные, но и всего христианского мира и религии, ибо неприятель от сообщения просвещается и, что еще важнее, снабжается оружием, до тех пор в этой варварской стране невиданным; всего же важнее, как мы полагаем, он снабжается самыми художниками, так что, если впредь и ничего не будут привозить ему, так художники, которые при таком развитии морских сообщений легко ему подсылаются, в самой той варварской стране наделают ему всего, что нужно для войны и что доселе ему было неизвестно». «Сверх того, – сказано в другом письме от 1568 года, – всего более заслуживает внимания, что московиты снабжаются сведениями о всех наших даже сокровеннейших намерениях, чтобы потом воспользоваться ими, чего не дай Бог, на гибель нашим...» и проч². Столь же враждебно относились к России и в таком же духе старались действовать ганзейские города: Любек, Ревель, Дерпт и проч. По крайней мере, в некоторой части Западной Европы господствовало убеждение, что усиление Московского государства должно считаться несчастьем и что потому следует всеми силами препятствовать участию русских в результатах общей цивилизации.

В особенности католические страны были проникнуты убеждением о необходимости держать Россию в «черном теле». К счастью для России, голландцы и англичане находили, однако же, для себя более выгодным не разделять мнений герцога Альбы и короля Сигизмунда, а, напротив, поддерживать оживленные отношения с Россией.

Достоин внимания противоречие в отзывах этого времени о России. В самых резких выражениях английский дипломат Флетчер в своем сочинении *Of the russe commonwealth*, появившемся в Лондоне в 1591 году, осуждает варварство России, сравнивая Московское государство с Турцией, порицая деспотизм царя, продажность приказных и подьячих, обскурантизм духовенства, рабский дух в обществе. Совсем иначе писал Маржерет к французскому королю Генриху IV, посвящая последнему свое сочинение *Estat de l'empire de Russie* (Paris, 1607): «Напрасно думают, что мир христианский ограничивается Венгрией; я могу уверить, что Россия служит твердым оплотом для христианства».

Немудрено, впрочем, что Россия в XVII веке производила на западноевропейцев впечатление восточного государства. Адам Олеарий в своем знаменитом сочинении говорит о России и Персии в одном и том же стиле, как о странах и в приемах общежития, и в государственных учреждениях не имеющих ничего общего с государствами Западной Европы. Русские дипломаты, являвшиеся на Западе, удивляли всех своим азиатским костюмом, незнанием европейских языков и к тому же довольно часто отличались грубостью нравов, разными неблагоприятными поступками.

С другой стороны, оригинальность и своеобразность всего, что относилось к России, не могло не возбуждать любопытства. В то время общими явлениями было стремление к географическим открытиям, страсть к изучению этнографии, языкознания. Во всех этих отношениях Россия представляла собой богатую почву для собирания всевозможных сведений. Тут встречалось и неисчерпаемое множество наречий, громадная масса возможностей для изучения флоры и фауны, богатый материал для метеорологических наблюдений и для археологических изысканий.

Несмотря на то что некоторые государственные люди относились к России враждебно, отрицали пользу отношений с ней, ученые рассуждали совершенно иначе. Особенно англичане сумели соединить теоретическое изучение России в отношении к естественным наукам с практическими целями торговой политики. Таков характер трудов Традесканта в начале XVII века. Голландец Исаак Масса, в это же время находившийся в России, известный амстердамский

¹ Havemann. Innere Geschichte Spaniens, 287.

² Гамель. Англичане в России, 83 и 84.

бургомистр Николай Витзен, побывавший в ней во второй половине XVII века, чрезвычайно ревностно собирали сведения не только о Европейской России, но и о Сибири. Маржерет напечатал свой труд о России по желанию короля Генриха IV. Английский король Яков II с напряженным вниманием слушал рассказы Патрика Гордона о России, заставляя его сообщать сведения о военном устройстве, о главных государственных деятелях в Московском государстве. Сочинение Фабри о состоянии русской церкви, явившееся уже в первой половине XVI века, считалось авторитетным в этой области.

Западноевропейские государи, подданные которых проживали в России, следя за судьбой последних, узнавали многое об условиях жизни в России и через дипломатических агентов, имевших полномочия консулов, старались обеспечивать права иностранцев в России. Не раз возобновлялись попытки распространения католицизма в России. Витзен был покровителем находившихся в Москве лиц реформатского исповедания; герцог Эрнст Саксен-Кобургский, протектор проживавших в Москве лютеран, получал нередко отчеты о состоянии немецкого прихода и денежными пособиями поддерживал нужды церкви и школы. Многие шотландцы, англичане, голландцы и немцы, проживавшие в Москве, сообщали своим родственникам и знакомым в Западной Европе разные сведения о России. В журнале *Theatrum Europaeum* в продолжение XVII века часто печатались донесения из России о происходивших там событиях. Вскоре после бунта Стеньки Разина это событие послужило предметом ученой диссертации, публично защищаемой в Виттенбергском университете. В 1696 году в Оксфорде появилась грамматика русского языка, составленная Людольфом, секретарем принца Георга Датского.

Во второй половине XVII века Китай сделался предметом специального изучения в Западной Европе. Одновременно с этим и Россия все более и более удостаивалась внимания. Особенно же знаменитый философ Лейбниц с сочувствием относился к России. Однажды он заметил, что в одно и то же время разные неевропейские государи приступили к важным преобразованиям, а именно китайский император, король Абиссинии и царь московский³. Лейбниц выразил желание содействовать преобразованию России. Он был убежден, что этим самым окажет услугу всему человечеству и гордился своим космополитизмом.

Таким образом, постепенно развивалась восприимчивость России к западной цивилизации, на фоне которой усиливалось внимание к России и со стороны Запада.

Космополитические стремления Витзена, Лейбница и других возникли в то время, когда Россия готовилась сблизиться с Европой, а именно: стремилась получить выход в Балтийское море, принимала участие в войнах с Турцией и через оживление дипломатических отношений с западноевропейскими державами высказывала намерение стать членом общей политической системы. И для западноевропейского мира, и для самой России это были эпохальные исторические перемены.

К этому же времени относится и молодость Петра Великого.

³ Guerrier. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter d. Gr., 15.

Часть первая

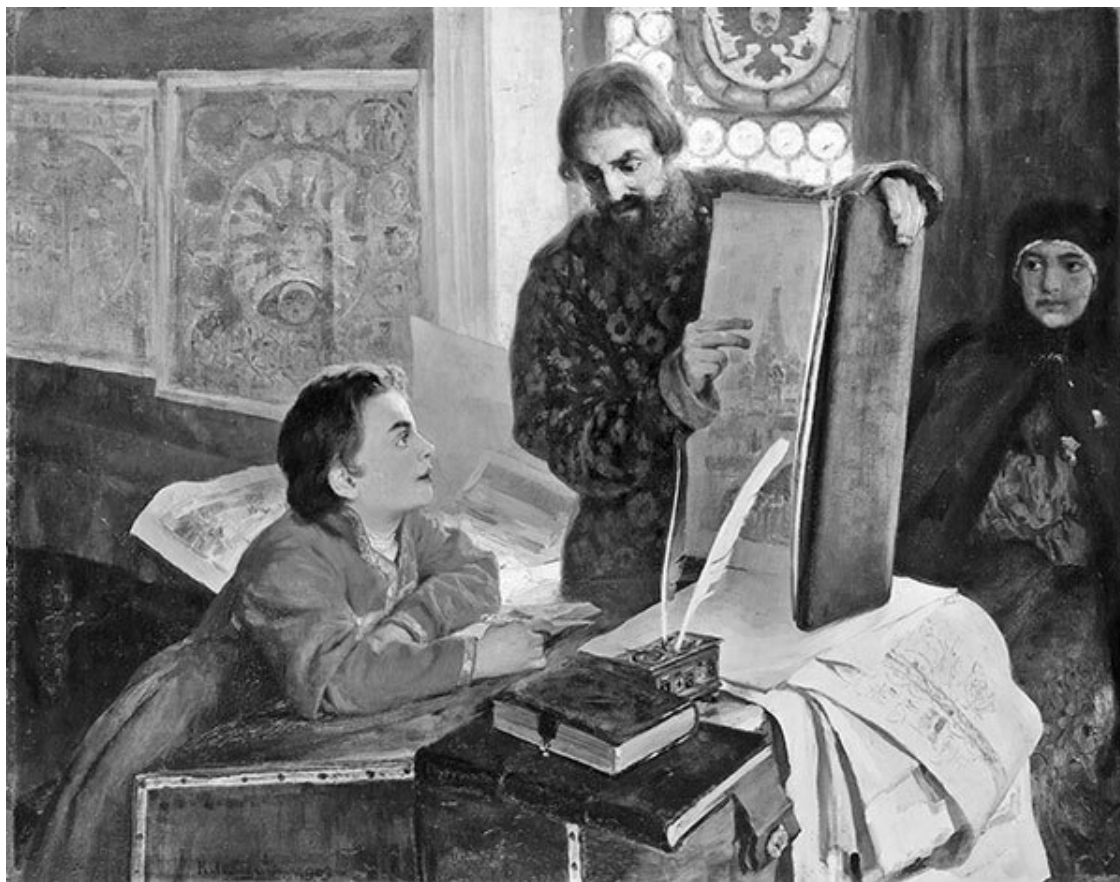
Глава I. Детство Петра (1672–1689)

Отец и дед Петра не отличались особыми дарованиями, силой воли и богатством идей. Нельзя сказать, чтобы первый государь из дома Романовых, Михаил Федорович, был обязан возведением на царство выдающимся личным качествам: тут главным образом действовали семейные связи. Зато отец первого царя, патриарх Филарет, игравший некоторое время роль регента, действительно был способным государственным человеком. О характере и личности Михаила мы знаем немного. Придворный этикет, господствовавший в то время и стеснявший свободу государя, не благоприятствовал развитию в нем самостоятельности и воли. К тому же, кажется, в первое время царствования Михаила его власть была ограничена отчасти боярами. Михаил не принимал личного участия в войнах с Польшей и Швецией и в подавлении анархических элементов в государстве. Внешняя политика этого государя заключалась главным образом в обороне против перевеса соседних стран. Надежда на успешные наступательные действия против Польши при помощи иноземных наемников оказалась тщетной. Нужно было довольствоваться тем, что после страшных бурь междоусобицы и польского нашествия страна мало-помалу отдыхала и приобретала свежие силы. Значительного преобразования внутри страны не происходило.

Подобно отцу, Алексей чуть не мальчиком вступает на престол; подобно отцу, имея сорок лет с небольшим, он сходит в могилу. Алексей был богаче одарен способностями, чем Михаил: его царствование было ознаменовано предприимчивостью во внешней политике и некоторыми преобразованиями внутри государства; сюда относятся «Уложение» и разные постановления в области церковного быта.

Лебедев К.В.

Дьяк Зотов обучает царевича Петра Алексеевича грамоте. 1903 г.

Хотя Алексей и не был лишен дарований, однако же не обладал ни смелостью соображения, ни силой воли. Главными чертами в его характере были кротость и некоторая патриархальность в обращении с окружающими его лицами; но эти качества не мешали ему подчас собственноручно расправляться с людьми, навлекшими на себя чем бы то ни было его гнев; такие эпизоды, между прочим, происходили даже с царским тестем, Ильей Даниловичем Милославским. Алексей не имел достаточной силы воли для удаления людей, не достойных его доверия; впрочем, бывали случаи, когда он выдавал на растерзание разъяренной черни сановников, употреблявших во зло свою власть. В первое время своего царствования, будучи еще юношей, царь не раз видел страшные вспышки гнева народа, толпой окружавшего царя и жаловавшегося на притеснения воевод. Он сам был любим народом, но многие из его сановников делались предметом всеобщей ненависти.

Царь Алексей принимал личное участие в войнах со Швецией и Польшей. В этих походах, а также в страсти к охоте у него обнаруживается гораздо большая подвижность и предприимчивость, нежели у его отца или у его сына Федора; однако в Алексее не замечается и следа той неутомимой рабочей силы, которой отличался Петр. Алексей был верным слугой церкви, благочестиво и строго соблюдавшим все религиозные обязанности, любил заниматься чтением богословских книг, употреблял в своих письмах церковные обороты, но в то же время он нередко нарушал правила строго определенного придворного этикета. Подобно знаменитому императору Фридриху II из дома Гогенштауфенов, он был автором сочинения о соколиной охоте; в его частных письмах к разным лицам просматривается некоторая мягкость и гуманность. Воспитание своих детей он поручил отчасти польским наставникам. До нас дошли кое-какие приписываемые царю стихи. По временам, освобождаясь от правил монашеского аскетизма, обыкновенно соблюдаемых царями, он любил шутить и веселиться, забавляться драматическими представлениями и музыкой.

В последние годы царствования Алексея, а также во время шестилетнего царствования Федора (1676–1682) замечается вышеуказанное влияние малороссийско-польской цивилизации на Россию. В продолжение многолетних войн, бесконечных дипломатических переговоров с поляками русские многому у них научились. В русском языке в это время встречаются полонизмы. Русский резидент в Польше, Тяпкин, настоящий москвитянин, тосковавший по родине, оказался весьма доступным влиянию польской культуры. Его сын воспитывался в польском училище; его донесения царю заключают в себе множество польских выражений и оборотов.

«В самой России в это время играли важную роль малороссийские духовные лица, получившие свое образование в Польше, а также и настоящие поляки. При Михаиле и Алексее мы встречаем у некоторых русских особенную любовь к Польше. К таким почитателям польских нравов принадлежал дядя царя Алексея боярин Никита Иванович Романов. Он одевал своих слуг в западноевропейское платье и сам являлся иногда в польском костюме. Говорят, что патриарх Никон вытребовал у боярина эти одежды и уничтожил их. Достоинно внимания, что этот самый Романов был владельцем знаменитого бота, найденного Петром в сарае в Измайлове и сделавшегося зародышем русского флота⁴.

Царь Федор Алексеевич. XIX в.

⁴ Соловьев. История России, XII, 348.

Уже в начале XVII века автор «Сказания об осаде Троице-Сергиева монастыря» Авраамий Палицын сетует на подражание многим «армянским и латинским ересям», на то, что «старые мужи браны своя посрезаху, во юноши пременяхуся»⁵. За несколько лет до вступления на престол Петра был обнародован указ, строго запрещающий «перенимать иноземские немецкие и иные изычаи, постригать волосов, носить платье, кафтаны и шапки с иноземных образцов» и проч⁶.

⁵ Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря, 2-е изд., 20.

⁶ Полное собрание законов (ПСЗ), I, № 607.

При Федоре влияние Польши усиливается. Первая супруга царя, Грушецкая, была виновницей введения реформы относительно платья при дворе и в высших кругах русского общества; под ее влиянием начали в Москве стричь волосы, брить бороды, носить сабли и кунтуши польские, заводить школы, польские и латинские и проч⁷.

Еще при Федоре было говорено и писано о неудовольствии многих бояр, вызванном этими нововведениями.

Таким образом, прежнее византийское влияние было отчасти сменено польским, отчасти же и то и другое встречается вместе. Низшие классы общества, а также духовенство находятся гораздо более под влиянием византийско-средневековой стихии, уклоняясь от влияния западноевропейской цивилизации, высказываясь одинаково резко как против польско-латинской, так и против германско-протестантской культуры. Зато светские элементы высшего общества по необходимости начали учиться у Западной Европы.

Вопрос о том, какого рода западноевропейское влияние должно было иметь перевес в центре государства, был самым важным, роковым вопросом.

При Федоре можно было считать вероятным окончательный перевес средневековой католической науки, пробившей себе путь в Россию через Польшу и Малороссию. Люди, подобные Симеону Полоцкому, прибывшему в Россию при царе Алексее и сделавшемуся наставником детей царя от первого брака, были представителями эрудиции, основанной на отвлеченных науках – риторике, философии и богословии прежних веков.

В этом отношении достойно внимания то предпочтение, с которым некоторые лица при московском дворе, в том числе Федор и София, занимались церковной историей. Сын Петра Алексей – и эта черта характеризует, между прочим, бездну, открывшуюся впоследствии между отцом и сыном, – особенно охотно занимался чтением церковно-исторического сочинения Баронил и делал из него выписки. Это направление некоторым образом классического, по крайней мере основанного на латинском языке, воспитания было диаметрально противоположно тому реальному обучению, которое русские могли приобрести от германского и протестантского мира.

Многое зависело от решения вопроса, кто будет главным наставником России: Рим ли со своими отцами церкви и иезуитами, с латинским наречием и схоластикой, или те народы, которые упорно боролись против перевеса Рима, Габсбургцев, Испании, где англичане, голландцы, немцы, – те народы, умственное и политическое развитие которых в эпоху Реформации было выражением всестороннего прогресса человечества.

Россия могла примкнуть или к романскому, католическому, миру, великому в прошедшем, не забывавшему своих прежних прав и своего прежнего перевеса, державшемуся отсталых понятий о преимуществах империи и иерархии, жившему давними воспоминаниями, сделавшемуся анахронизмом, – или же к другой, северо-западной, обращенной к океану части Европы, к представителям новой идеи о государстве, новой политической системы, открывавшим новые пути в областях государственного и международного права, торговли, промышленности, науки, литературы и колонизации.

Россия предпочла учиться у новой Европы. Не малороссийские и польские монахи и богословы сделали наставниками Петра, а обитатели Немецкой слободы, находившейся у самой столицы и представлявшей собой образчик западноевропейской рабочей силы, предприимчивости и эрудиции.

Кошелев Н.А.

Из детства Петра. XIX в.

⁷ Соловьев, XIII, 330. XIV, 32.

Петр вырос не в рутине азиатского придворного этикета, он не получил латинско-схоластического воспитания, которое выпало на долю его брата Федора; этим выигрышем он был обязан близости и значению Немецкой слободы, население которой состояло из разнородных элементов, отличалось некоторым космополитизмом и представляло собой нечто вроде микроскома всевозможных сословий, призваний, национальностей и исповеданий.

Уже в XVI веке у самой Москвы существовала Немецкая слобода; она сгорела во время междоусобицы и польского нашествия в начале XVII столетия. Указом царя Алексея в середине XVII века предместье это было возобновлено. Религиозные побуждения заставили царя выселить иностранцев, до того времени проживавших в самой столице. В этой связи Немецкую слободу можно сравнить с так называемым ghetto, то есть с теми предместьями некото-

рых западноевропейских городов, где живут евреи. Тут в XVII веке сосредоточивалась жизнь иностранцев; тут были воздвигнуты лютеранская и реформистская церкви; тут жили врачи и негоцианты, пасторы и офицеры, инженеры и ремесленники. Население Немецкой слободы состояло главным образом из шотландцев, англичан, голландцев, немцев и др. Здесь встречались несколько утонченные нравы, непринужденная обходительность, умственные интересы. То обстоятельство, что иностранцы жили особо, препятствовало их обрусению; они представляли собой своеобразный элемент и служили друг другу опорой при сохранении национальных и религиозных особенностей, при удовлетворении нравственных, научных и литературных потребностей.

До известной степени здесь существовали национальные, религиозные и политические партии; но такого рода антагонизм был смягчен космополитизмом, свойственным вообще колониям. Слобода находилась под влиянием умственного развития Западной Европы. Здесь было много знатоков латинского языка; английские дамы Немецкой слободы выписывали со своей родины романы и драмы; шотландец Патрик Гордон, игравший в Немецкой слободе в течение нескольких десятилетий весьма важную роль, старался узнавать о всех усовершенствованиях в области механики, технологии, картографии на западе Европы, о разных сообщениях, делаемых в лондонской Royal Society. Жители Немецкой слободы находились в чрезвычайно оживленной переписке со своими родными и знакомыми на родине; весьма часто они предпринимали поездки за границу по разным причинам, с напряженным вниманием следили за ходом политических событий на западе Европы, например за событиями английской революции, войны между Англией и Голландией и т. д.

Все это свидетельствует о том, что Немецкая слобода могла содействовать сближению русских с Западной Европой и сообщать России результаты западноевропейской культуры⁸. Немецкой слободе было суждено служить звеном между Западной Европой и Петром во время его юношеского развития. На пути, пройденном Россией от более азиатской, нежели европейской, Москвы XVII века до более европейского, нежели Азиатского, Петербурга XVIII века, Немецкая слобода была, так сказать, важнейшей станцией.

И до Петра уже было заметно влияние Немецкой слободы на некоторых представителей русского общества. Были в России люди, которые не разделяли мнения духовенства, ненавидевшего иностранцев как еретиков, и черни, оскорблявшей «немцев» и иногда даже мечтавшей об уничтожении всей Немецкой слободы с ее жителями; были в России люди, которые умели ценить превосходство западноевропейской культуры и были склонны к учению под руководством иностранцев⁹.

Таким представителем прогресса был боярин Артамон Сергеевич Матвеев. Он пользовался особым доверием царя Алексея, который часто посещал дом Матвеева, где, по преданию, познакомился с Натальей Кирилловной Нарышкиной, матерью Петра. Матвеев стоял у колыбели Петра, дарил ему разные игрушки, в том числе повозку с маленькими лошадьми. Когда Петру уже минуло десять лет, Матвеев почти на глазах юного государя был убит стрельцами. Его личность, несомненно, навсегда осталась в детских воспоминаниях Петра.

Отец Матвеева был когда-то русским послом в Константинополе и Персии, и его сын был также русским дипломатом, в период Северной войны находился в Париже и Вене, в Гааге и Лондоне. Матвеев сам оказал царю существенные услуги во время приобретения Малороссии. При довольно затруднительных обстоятельствах он в качестве дипломата и полководца отстаивал могущество и честь России. Заведуя Посольским Приказом, он был, по сути, министром иностранных дел. Один путешественник-иностранец прямо называет его «первым царским министром».

⁸ Bruckner. *Culturhistorische Studien*. II.

⁹ *Die Auslander in Russland*. Riga, 1878, 71–80.

Довольно часто в доме Матвеева, украшенном различными предметами роскоши, заимствованными у Западной Европы, происходили переговоры с иностранными дипломатами. При опасности, грозившей царству со стороны Стеньки Разина, он давал царю мудрые советы. Матвеев заботился об интересах внешней торговли; заведая Аптекарским Приказом, он постоянно находился в сношениях со многими иностранными хирургами, докторами и аптекарями, служившими в этом ведомстве. Жена Матвеева, как говорят, была иностранного происхождения. Его сын получил весьма тщательное воспитание, учился разным языкам и приобрел такую широкую эрудицию, что даже Лейбниц с особенной похвалой отзывался о его познаниях¹⁰.

В обществе хирурга Сигизмунда Зоммера, многолетней практикой приобретшего в России значение и состояние, а также молдавана Спафария, который служил в Польском Приказе и в то же время учил сына Матвеева греческому и латинскому языкам, любознательный боярин занимался естественными науками. Противники Артамона Сергеевича воспользовались этим обстоятельством в первое время царствования Федора Алексеевича для того, чтобы погубить ненавистного боярина. Его обвинили в колдовстве, в общении со злыми духами. По случаю ссылки своей на Крайний Север Матвеев в письме к царю Федору говорил о написанных им исторических сочинениях, в которых трактовал о титулах и печатях русских государей, о вступлении на престол царя Михаила и проч. В какой мере царь Алексей любил Матвеева видно из выражения царя в письме к последнему, в котором Алексей просит находящегося в отсутствии сановника возвратиться скорее, так как «царь и его дети без Матвеева осиротели»¹¹.

Рассказ о том, как царь Алексей, овдовев, познакомился в доме Матвеева с Натальей Кирилловной Нарышкиной, на которой женился, в частности имеет несколько легендарный характер. Этот рассказ основан на семейном предании; однако само по себе это предание кажется правдоподобным: оно соответствует близким отношениям царя с Матвеевым и Матвеева с Нарышкиными, а также и некоторым намекам одного иностранца, во время свадьбы Алексея находившегося в Москве и немного позже издавшего сочинение о России¹².

Известно, что знакомиться с невестой в частном доме было не в обычае у русских царей. Правилom при женитьбах царей были торжественные смотры множества красавиц, между которыми царь выбирал для себя сожительницу. Известно, как часто при подобных случаях между различными семействами происходили страшные крамолы и даже преступления. Невесты, удостоенные выбора, при царях Михаиле и Алексее были не раз «испорчены» родными своих соперниц, со всем своим семейством ссылаемы в Сибирь; путем поклепов, доносов разные семейства преследовали и губили друг друга.

Что-то похожее происходило и при женитьбе царя Алексея на Наталье Кирилловне. Как кажется, смотрины невест, устроенные по обычаю, на этот раз были пустой формальностью. Явились доносы на Матвеева; произведено следствие; дядя одной соперницы Натальи Кирилловны был подвергнут пытке. Бумаги этого дела лишь отчасти сохранились, однако мы узнаем из них о мере гнева противников Матвеева на выбор царя Алексея¹³.

Свадьба царя была отпразднована 22 января 1671 года; 30 мая 1672 года родился Петр.

Вскоре обнаружился антагонизм между родственниками первой супруги Алексея, Милославскими, и их приверженцами, с одной стороны, и Нарышкиными и Матвеевым — с другой. Здесь, разумеется, не было столкновения политических партий; антагонизм основывался на частных, семейных интересах. Началась борьба, окончившаяся падением Матвеева.

Сохранились кое-какие известия, свидетельствующие о том, что и непричастные к этим событиям современники не вполне оправдывали образ действий Матвеева. Так, например, в

¹⁰ Gurrier. Leibniz, 37–38.

¹¹ История о невинном заточении боярина Матвеева. Москва, 1785, 39.

¹² Штелин. Анекдоты о Петре Великом. Москва, 1830, I, 11–19. Reutenfels. De rebus Moscoviticis. Patavii, 1680, 97.

¹³ Забелин. Домашний быт русских цариц, 225–267.

одной польской брошюре о Стрелецком бунте 1682 года рассказано, что Матвеев преследовал в последние годы царствования Алексея детей от первого брака царя. Театральные представления при дворе, как кажется, служили Матвееву иногда средством для оскорбления своих противников. Когда давали пьесу «Юдифь и Олоферн», в Амане, повешенном по приказанию Артаксеркса, хотели узнавать кого-то из Милославских. В Мардохе приметен был Матвеев. Эсфирь напоминала царицу Наталью Кирилловну¹⁴.

Письмо Петра Наталье Кирилловне

[illegible]

В вышеупомянутой польской брошюре рассказано также, что Матвеев, когда умирал царь Алексей, старался возвести на престол четырехлетнего Петра помимо Федора Алексеевича. Едва ли можно верить этому слуху: по крайней мере, после падения Матвеева между обвинениями, возведенными на него противниками, не встречается ничего, подтверждающего этот рассказ¹⁵.

¹⁴ Соловьев. История России, XIII, 234.

¹⁵ Устрялов. История Петра Великого, I, 263.

Нам неизвестно, как распорядился царь Алексей относительно престолонаследия, но Федор Алексеевич без всякого затруднения вступил на престол, и влияние и значение Матвеева и царицы Натальи вскоре кончились¹⁶.

Впрочем, Матвеев пал не тотчас после кончины Алексея, что также может служить доказательством невероятности обвинения его в преступной агитации в пользу Петра. Несколько месяцев еще и при Федоре Алексеевиче он заведовал внешней политикой царства. Образ действий противников Матвеева, преследовавших и погубивших его путем коварства, скорее свидетельствует о его виновности.

Без формального обвинения, без правильного судебного следствия Матвеев прежде всего был отрешен от должности начальника Аптекарского Приказа; затем лишился и звания заведующего иностранными делами; наконец, был сослан. О мелочности крамол, направленных против Матвеева, свидетельствует то обстоятельство, что в мерах, принятых против павшего боярина, занимает весьма видное место жалоба датского резидента о долге в размере 500 рублей за проданное Матвееву вино. Посыпались на Матвеева упреки в том, что он будто занимался колдовством, вызывал злых духов и покушался отравить царя Федора. Главными доносчиками явились некоторые слуги Матвеева.

Он старался оправдываться, указывал на противоречия в обвинениях противников, на несостоятельность показаний подвергнутых пытке лиц, на недобрую репутацию одного из главных обвинителей – датского резидента. Из сборника оправдательных посланий мы узнаем, что в то время занятия естественными науками, чтение какой-нибудь фармацевтической книги могли считаться преступлением, – при таких уголовных случаях и с одной стороны, и с другой аргументация основывалась на теории о волшебстве и злых духах, причем встречались бесчисленные ссылки на Священное Писание и творения святых отцов¹⁷.

Никита Зотов обучает Петра.

Миниатюра из рукописи 1-й пол. XVIII в.

История Петра I, соч. П. Крекишина

¹⁶ Погодин. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого, Москва, 1875, 12.

¹⁷ История о невинном заточении.

Мы не знаем, были ли противники Матвеева убеждены в его вине или нет. Как бы то ни было, но он лишился всего состояния и был сослан сначала в Пустозерск, затем в Мезень.

Не один Матвеев был обвиняем в покушении на жизнь царя Федора. Допрашивали о том же и ближайших родственников царицы Натальи Кирилловны. Голландский резидент Келлер все это считал «злостной выдумкой о мнимом заговоре»¹⁸.

В кружках иностранцев рассказывали, что Матвеева обвиняли в желании сделаться царем¹⁹, что после отправления братьев Натальи Кирилловны в ссылку можно ожидать заключения в монастырь самой царицы.

Однако еще при жизни Федора Алексеевича произошла перемена в пользу Матвеева.

Уже в 1678 году рассказывали, что князь Долгорукий, бывший главным воеводой в Чигиринских походах, старался убедить царя в необходимости возвращения Матвеева из ссылки, что двор нуждался в советах опытного государственного деятеля и что при дворе по поводу этого происходили оживленные прения. Голландский резидент, сообщая некоторые частности этих событий, прибавляет, что в случае возвращения из ссылки Матвеева можно ожидать весьма важных перемен в государстве²⁰.

Прошло, однако, два-три года до смягчения участи Матвеева и Нарышкиных. Вторая супруга царя Федора, Марфа Апраксина, крестница Матвеева, хлопотала о его помиловании. Ему позволили возвратиться в свое имение Лух, находившееся в нынешней Костромской губернии, в 500 верстах от столицы. Здесь он получал от своих приверженцев ежедневно известия о ходе дел в столице, где в ближайшем будущем можно было ожидать кончины царя. Келлер писал Генеральным Штатам 25 апреля 1682 года: «В случае кончины его величества, без сомнения, тотчас же будет отправлен курьер к Матвееву с приглашением без замедления приехать в столицу для отвращения смут, беспорядков и несчастий, которые могли бы произойти при борьбе родственников царя между собой. Намедни прибыли сюда отец и сын Нарышкины, а другого Нарышкина, еще более обвиняемого, ожидают на днях; таким образом, все здешние обстоятельства принимают совершенно иной вид».

Предсказания Келлера сбылись. Царь умер, и в Лух поскакал гонец за Матвеевым. Двор был разделен на две враждебные партии. На одной стороне находились дети от первого брака Алексея и их родственники Милославские, на другой – Петр, Нарышкины и некоторые деятели последнего времени царствования Федора, например Языков, Лихачев и другие.

Таково было состояние двора в первые годы жизни Петра. Его судьба в это время подвергалась многим превратностям. При жизни Алексея он и мать его пользовались особенно выгодным положением при дворе. Вместе с падением Матвеева многое изменилось и в житье-бытье Натальи Кирилловны и Петра. Они жили в Преображенском, в некотором отдалении от двора. Нет сомнения, что мать царевича страдала от такого пренебрежения к ней; для ее сына большая свобода и отсутствие строгого придворного этикета в Преображенском могли считаться немалой выгодой. Обыкновенно царевичи на Руси до пятнадцатилетнего возраста содержались как бы узниками в Кремле. Петр рос на свежем воздухе в окрестностях столицы.

Сведения о первых годах жизни Петра сохранились в двух источниках: архивные дела и легендарные сказания. Последние, повторяемые бесконечно в продолжение XVIII века и поныне, представляют историю детства Петра в каком-то идеальном свете, заключают в себе множество небылиц о баснословных дарованиях ребенка и не заслуживают почти никакого внимания. Совсем иное значение имеют кое-какие документы, изданные в последнее время и дающие нам довольно точное представление о некоторых подробностях детства Петра.

¹⁸ Posselt. Franz Lefort, I, 232–234.

¹⁹ Lequel pretendait a la couronne, – писал Лефорт.

²⁰ Posselt. Franz Lefort, I, 234, 278.

Петр в юности.

Рисунок с картины Кнеллера С.Г. Конец XIX в.

Мы узнаем, что юный Петр был окружен карлами и карлицами, что его первый наставник, подъячий Зотов, велел изготовлять для царевича так называемые «куншты», то есть картинки для наглядного обучения; мы узнаем, что между игрушками Петра занимало видное место разного рода оружие и что для него писались иконы. Все это не представляет собой ничего особенного и было обыкновенным явлением в отроческой жизни царских детей.

Однако число предметов, изготовленных для обучения и увеселения царевича, довольно значительно. Сохранились имена ремесленников, токарей, маляров и прочих, которые участвовали в изготовлении этих предметов, стрел, сабель и пушек. Особенного внимания достойно то обстоятельство, что, как видно из архивных данных, в то время, когда Петру исполнилось двенадцать лет, ко двору начали поставлять разные ремесленные орудия, как-то: инструменты для каменной работы, для печатания и переплета книг, а также верстак и токарный станок.

Впоследствии, в 1697 году, курфюрстина София Шарлотта заметила, что Петр может считаться знатоком в четырнадцати ремеслах; в 1698 году епископ Вернет в Англии порицал Петра за особое пристрастие к ремесленным занятиям. Архивные данные, относящиеся к детству Петра, свидетельствуют о том, что он с ранних лет особенно охотно занимался техникой ремесел и отличался направлением реального обучения в противоположность брату Федору, получившему в свое время главным образом богословское образование. Зато рассказы тех собирателей анекдотов, которые обращают особенное внимание на солдатские игры царевича, не имеют особенного значения²¹.

Во всяком случае, первоначальное обучение Петра было каким-то случайным, несистематическим и неосновательным. Из учебных тетрадей Петра, рассмотренных Устряловым и отчасти сообщенных этим ученым в приложениях к своему труду, мы видим, что Петр был уже юношей, когда начал заниматься основаниями арифметики. Ошибки правописания в тысячах собственноручных писем, набросков и выписок Петра свидетельствуют также о недостаточности элементарного его обучения. Императрица Елизавета рассказывала Штелину, как ее отец однажды, застав своих дочерей, Анну и Елизавету, за учебным уроком, заметил, что он сам в свое время, к сожалению, не имел случая пользоваться выгодами основательного учения²².

Лармессен Н.

Петр I (10 лет) и его брат Иван (16 лет).

Гравюра, 1685 г.

²¹ См. статью Астрова в «Русском архиве», 1875. II, 470. Забелин. Опыты. Москва, 1872, I ч. и след.

²² Чтения Московского общества истории и древностей, 1866, IV, Смесь, 80.

Будучи еще четырехлетним, Петр в связи со ссылкой Матвеева, лишился друга и покровителя, который лучше всякого другого мог позаботиться о воспитании царевича. В то время, когда кончина Федора открыла десятилетнему Петру путь к занятию престола, можно было надеяться, что Матвеев, опытный государственный деятель и многосторонне образованный западник, сделается наставником и руководителем молодого государя.

Вышло иначе. В ближайшем будущем Матвеева ожидала страшная катастрофа. Последовали потрясающие события весны 1682 года.

Глава II. Кризис 1682 года

Государственное право тогдашней России заключало в себе пробел: неоставало закона относительно престолонаследия. Всего лишь несколько десятилетий прошло со времени вступления на престол дома Романовых. До этого события в России бывали неоднократно случаи нарушения порядка наследия престола. После смерти царя Федора Ивановича Борис Годунов

сделался царем благодаря коварству и искусственно устроенным народным демонстрациям. Лжедмитрий с оружием в руках пробил себе дорогу к престолу. Василий Шуйский был выкрикнут царем партией бояр, что может быть названо революционной мерой, а отнюдь не правильным выбором. Вступление на престол Михаила Федоровича Романова было также чрезвычайным событием, соответствовавшим неправильности предшествовавших фактов. Катошихин замечает, что даже при вступлении на престол царя Алексея Михайловича происходило нечто вроде выбора государя²³. При вступлении на престол Федора Алексеевича ожидали также, что дело не обойдется без затруднений.

Когда умер Федор Алексеевич, не было сделано никакого предварительного распоряжения о престолонаследии. В 1682 году в особенности обнаружилось неудобство в связи с отсутствием постановления о престолонаследии; не было предусмотрено случая болезни или несовершеннолетия тех лиц, которых можно было иметь в виду для возведения на престол, и необходимого при таком обстоятельстве регентства. Решение вопроса о наследнике и регентстве зависело от исхода упорной борьбы личных, противоположных один другому интересов. Является раздор в царской семье. Двор делится на две партии. Борьба Нарышкиных с Милославскими, невозможная при жизни царя Алексея, но начавшаяся уже при царе Федоре, запылала вследствие упразднения престола в 1682 году.

Солнцев Ф.Г.

Серебряный глобус Алексея Михайловича

²³ Катошихин. О России при царе Алексее Михайловиче, 4, 100.

Достоин внимания, что за несколько лет до этих событий известный «Серблянин» Юрий Крижанич в своих сочинениях, писанных для царей Алексея и Федора, указывал на необходимость определения точных правил о престолонаследии как на единственное средство отвлечь ужасную опасность, грозящую государству при каждой перемене на престоле. Он говорил о несчастиях, постигших Россию в начале XVII века от недостатка точного и ясного закона о престолонаследии, указывал на смуты, случившиеся на Западе после кончины Людовика Благочестивого (в 840 году), причем старался обращать внимание читателей на опасность, заключающуюся в предпочтении при замещении престола младших братьев старшим. Крижанич выставляет на вид, что нужно самым точным образом предварительно определить меру умственной или физической слабости, исключающей для наследника возможность вступления на престол. Вся эта аргументация ученого публициста обставлена примерами из истории различных народов. Особенно любопытно замечание, что подобные пробелы в государственном праве дают войску возможность вмешиваться в решение вопроса о престолонаследии, причем указано на образ действий янычар в Турции, преторианцев в Риме²⁴.

Рассуждения Юрия Крижанича оказались как бы пророчеством событий 1682 года. Борьба за престол являлась неминуемой.

В первые годы жизни положение Петра при соперничестве Милославских с Нарышкиными было очень невыгодно и в некоторых отношениях даже опасно. Родные братья царицы Натальи Кирилловны находились в ссылке; сама она подвергалась всяческим оскорблениям.

Тем не менее в первые же дни после кончины царя Федора Алексеевича дела необыкновенно быстро устроились в пользу Петра.

Федором Алексеевичем, как мы уже сказали, не было сделано никакого распоряжения касательно престолонаследия. Быть может, его до последнего времени не покидала надежда иметь сына. Теперь же приходилось решить вопрос, кому царствовать: пятнадцатилетнему хворому, слабоумному, почти совершенно лишенному зрения Ивану или десятилетнему Петру?

Лебедев К.В.

Молодой Петр и сокольничий

²⁴ Русское государство в половине XVII века. Изд. Бессонова, I, 322, 437–438.

Двор был разделен на две партии. На одной стороне группировались представители правительства при царе Федоре: Лихачев, Языков, Апраксин; они желали воцарения Петра; на другой были Милославские, желавшие перевеса своих родственников, детей от первого брака царя Алексея.

Хотя, как видно из донесений голландского резидента Келлера, и можно было ожидать скорой кончины царя Федора, все-таки подобное событие, кажется, застало врасплох враждебные друг другу группы при дворе. Милославские оказались неподготовленными к действиям; приверженцы же Петра думали, что при провозглашении нового царя дело дойдет даже до ножей. По свидетельству одного современника, Долгорукие и Голицыны, отправляясь во дворец на царское избрание, поддели под платье панцири²⁵.

²⁵ Сахаров. Записки русских людей. СПб., 1841, 5.

Как и прежде в подобных случаях, так и в 1682 году, решением вопроса о престолонаследии руководил патриарх. Как только скончался царь Федор, 27 апреля в 4 часа пополудни патриарх с архиереями и вельможами вышел в переднюю палату и предложил решить: кому из двух царевичей вручить скипетр и державу? Присутствующие отвечали, что этот вопрос должен быть решен «всех чинов людьми Московского государства». Весьма вероятно, что они имели в виду придать этим большую силу избрания Петра. Патриарх с духовными лицами и вельможами вышел на крыльцо, велел народу собраться на площади и спросил: кому быть на царстве? Раздались крики: «Быть государем царевичу Петру Алексеевичу!» Раздался голос и в пользу Ивана, но тотчас же был заглушен.

Очевидно, дело было решено раньше, до обращения к случайно собравшейся у крыльца толпе, названной «всех чинов людьми Московского государства». Нет сомнения, что приверженцы Нарышкиных в данную минуту были гораздо сильнее партии Милославских. Достоинство внимания то обстоятельство, что ни в официальном документе, в котором рассказано это событие, ни в подробном описании современника и свидетеля, а к тому же сторонника партии Милославских, Сильвестра Медведева, ни слова не говорится, почему не было обращено внимания на права Ивана²⁶.

Только несколько позже, после кровопролития в середине мая, при совершенно изменившихся обстоятельствах был составлен другой официальный рассказ о событии 27 апреля, совсем не сходный с первым²⁷ и не заслуживающий доверия.

Голос, крикнувший в пользу Ивана и тотчас же заглушенный, принадлежал Сумбулову, который, по рассказу одного современника, вскоре после кризиса, в мае, был удостоен за этот подвиг звания думного дворянина. Показание это подтверждается архивными данными²⁸.

Таким образом, на этот раз о правах Ивана не было речи. Точно также и вопрос о регентстве оставался открытым.

Вся Москва в тот же день присягнула десятилетнему царю, а за Москвой и вся Россия беспрекословно. Было лишь одно исключение. Между бумагами, относящимися к делу присяги, мы находим следующую заметку: «Того же числа учинились сильны и креста не целовали стрельцы Александрова приказа Карандеева; и Великий Государь указал к ним послать уговаривать окольничего князя Константина Осиповича Щербатова, да думного дворянина Веденихты Андреевича Змеева, да думного дьяка Емельяна Украинцева, и их уговорили, и они крест Великому Государю целовали»²⁹.

Новое правительство – кажется, тут действовала главным образом мать Петра – позаботилось прежде всего сообщить о случившемся Матвееву. Между тем агитация в пользу прав Ивана усилилась. Через две недели после избрания Петра вспыхнул мятеж в Москве. Незадолго до этой смуты состоялся приезд Матвеева в Москву и последовало назначение брата царицы Натальи, Ивана Кирилловича Нарышкина, боярином и оружейничим³⁰.

В то же время выступает на сцену старшая сестра юного Петра, царевна Софья Алексеевна, родившаяся в 1657 году. Если принять в соображение чрезвычайно неблагоприятные условия, при которых вообще тогда в Московском государстве вырастали царевны, если вспомнить о ничтожной роли, которую играли другие женщины царского семейства, то мы, судя по образу действий Софьи с 1682 по 1689 годы, не можем сомневаться в ее способностях и чрезвычайной смелости. Рассказы о ее красоте, встречающиеся в записках таких путешествен-

²⁶ ПСЗ, № 914; Записки русских людей, 1–5.

²⁷ ПСЗ, № 920.

²⁸ Записки Матвеева. О повышении Сумбулова 26 июня 1682 г. см. приложение к XIV тому Соловьева, LIII. Анекдот о Сумбулове, рассказанный Голиковым («Деяния Петра Великого», I, 155), имеет характер легенды.

²⁹ Соловьев, XIV, Приложение, XXVI.

³⁰ Там же, XXXIII.

ников³¹, которые были в России несколько позже, противоречат замечаниям людей, имевших случай видеть царевну³². Никто не отрицал в ней дарований и вместе с тем честолюбия и властолюбия. Андрей Артамонович Матвеев замечает, что героиней ее воображения была греческая царевна Пульхерия, которая, взявши власть из слабых рук брата своего Феодосия, так долго и славно царствовала в Византии³³.

Можно считать вероятным, что эпоха царствования Федора Алексеевича была полезной политической школой для царевны Софьи. Она имела возможность сблизиться с передовым, просвещенным и широко образованным русским человеком того времени, князем Василием Васильевичем Голицыным, которого страстно полюбила. Многому она могла научиться от князя Хованского и от своих родственников Милославских. Довольно важное значение в воспитании царевны имел известный богослов Симеон Полоцкий. Одним из самых ревностных приверженцев ее был монах Сильвестр Медведев, считавшийся глубоко ученым человеком и бывший первым библиографом в России.

Люди, восхвалявшие Софью, сравнивали ее с Семирамидой и с английской королевой Елизаветой. Средства, употребляемые ею для достижения желанных целей, для захвата власти и удержания ее, не всегда соответствовали началам нравственности. Чем менее интересы партии Милославских вообще и царевны Софьи в особенности были обеспечены законодательством и положительным правом, тем затруднительнее и опаснее было положение, в котором находились царевна и ее ближайшие родственники. И тем легче эти сторонники прав Ивана, оскорбленные избранием Петра в цари, могли думать о разных мерах для того, чтобы войти в силу, получить влияние, занять положение в государстве. При довольно подробных и достоверных сведениях, которые мы имеем об образе действий Софьи и ее приверженцев, должно считать неудавшейся сделанную недавно попытку оправдать во всех отношениях царевну³⁴.

В разных рассказах современников встречаются данные о том, что Софья старалась возбудить волнение в народе и что в день погребения царя Федора она удивила всех, шествуя за гробом в собор вопреки обычаю, не допускавшему царевен участвовать в подобных церемониях. Напрасно отговаривали ее, доказывали неприличие подобного поступка – Софья никого не послушала и, говорят, обратила на себя внимание народа громкими воплями. Когда царица Наталья с сыном Петром вышла из собора до окончания службы, Софья отправила монахинь к царице с выговором за такое невнимание к памяти царя Федора. По окончании погребения Софья, идя из собора и горько плача, обращалась к народу с такими словами: «Видите, как брат наш, царь Федор, неожиданно отошел с сего света: отравили его враги зложелательные; умиосердитесь над нами сиротами; нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата; старший брат наш, Иван, не выбран на царство; а если мы перед вами или боярами провинились, то отпустите нас живых в чужие земли, к королям христианским». Слова эти, по рассказу современника, произвели сильное впечатление на народ³⁵.

Как бы то ни было, антагонизм между Софьей и ее приверженцами, с одной стороны, и Натальей Кирилловной, Петром и их сторонниками – с другой, обнаружился тотчас же после кончины Федора и избрания Петра. Несмотря на некоторые противоречия в рассказах современников и на пробелы в историческом материале, нельзя сомневаться в том, что партия Милославских употребляла разные усилия, чтобы приобрести значение наряду с господствующей партией Нарышкиных или даже, будь возможно, вытеснив последних, занять первое место в государстве. Нельзя сомневаться и в том, что Софья и ее ближайшие родственники для этой

³¹ Перри. Штраленберг.

³² Шлейзинг, Невиль.

³³ Сахаров. Записки русских людей.

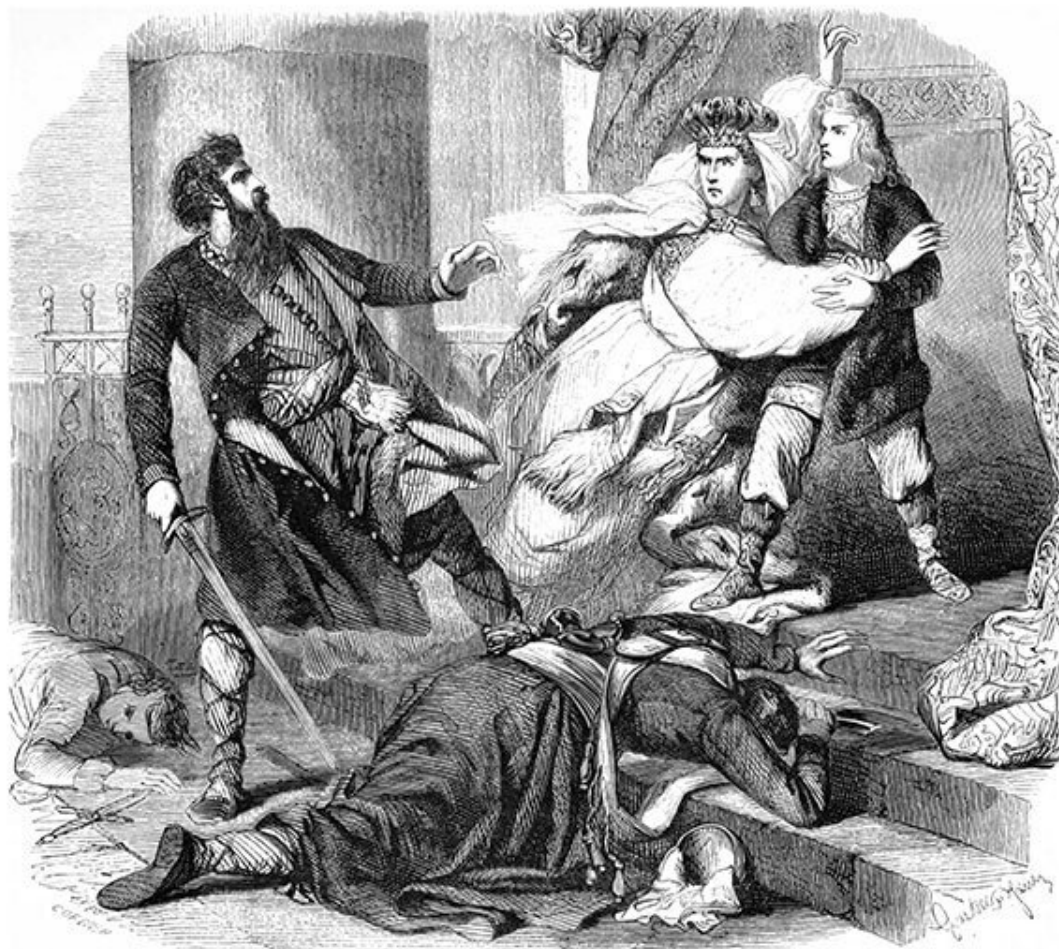
³⁴ Такова была цель сочинения Аристова «Московские смуты в правление Софьи». Варшава, 1871.

³⁵ *Diariusz zaboystwa tyranskiego senatorow moskiewskich w Stolicy*. Рукопись находится в Императорской библиотеке в С.-Петербурге. Мы пользовались немецким переводом, напечатанным в 1686 г.

цели воспользовались стрелецкой смутой, начинающейся в самое последнее время царствования Федора. Не нужно было для устранения противников возбуждать бунт: оставалось лишь дать волнению уже и без этого раздраженного войска известное направление и указать на те жертвы, гибель которых могла казаться выгодной для ищущих власти.

Наталья Кирилловна защищает малолетнего Петра во время стрелецкого бунта 1682 г.

Из книги XIX в.

Révolte des Strelitzes. — Le jeune Pierre le Grand au couvent de Troïtza (d'après Steuben).

Рябушкин А.П.

Пир царя Алексея Михайловича в палате при Отъезде поле.

Из книги XIX в.

Волнение в стрелецком войске началось, как мы уже сказали, еще при жизни царя Федора. Нет сомнения, что жалобы стрельцов на недостатки военной администрации, на недобросовестность полковников имели основание. Стрельцам не давали следуемых им денег; их принуждали к работам, не входившим в круг их обязанностей.

При этом, как довольно часто и прежде, обнаружилась изумительная слабость правительства. Не раз, особенно в начале царствования Алексея Михайловича, правительство представляло разъяренной толпе наказывать недобросовестных сановников, так что обвинители становились палачами. То же самое случилось и в 1682 году. По распоряжению правительства обвиняемые стрелецкие полковники были наказаны отчасти самими стрельцами, отчасти в присутствии стрельцов, причем мера наказания зависела главным образом от последних³⁶.

Такой слабости правительства можно было удивляться, тем более что уже и прежде происходили частые случаи нарушения или, вернее, отсутствия дисциплины в стрелецком войске. В Чигиринских походах при царе Федоре, как и потом в Азовских походах, стрельцы оказались плохими воинами. И во время бунта Стеньки Разина стрелецкое войско обнаруживало некоторую склонность к своеволию и непослушанию. Стрельцы благодаря своим привилегиям составляли касту в государстве и, не будучи воинами по призванию, гораздо более обращали внимания на занятия торговлей и промышленностью, нежели на ратное дело; между ними были люди знатные и зажиточные; они сплотились в организованную корпорацию, они через депутатов привыкли заявлять о своих нуждах и жалобах. Все это легко могло сделаться весьма опасным во время неопределенного положения правительства, в минуту перемены на престоле. Недаром Юрий Крижанич за несколько лет до 1682 года говорил о революционных действиях преторианцев и янычар. Недаром один из иностранцев-современников называл стрельцов русскими янычарами.

Наказание некоторых стрелецких полковников совершилось в первые дни царствования юного Петра. Страсти разгорелись. Произошло убийство нескольких полковников «любимым» тогда способом: несчастных втаскивали на башни и оттуда сбрасывали на землю. Главный начальник стрелецкого войска, князь Долгорукий, не был в состоянии успокоить мятежников. В такое время орудие, которым до того располагало правительство для сохранения тишины и порядка, легко могло обратиться против самой власти. Сила была в руках войска. От него зависело, кого признать настоящим правительством. Для лиц, недовольных избранием Петра в цари, стрельцы могли сделаться лучшими союзниками.

³⁶ Рассказ свидетеля, датского резидента Бугенанта фон Розенбуша, в соч. Устрялова, I, 330.

Трудно решить вопрос: родилось ли в рядах стрельцов независимо от каких-либо внушений со стороны Милославских сомнение в законности нового правительства или же справедливо показание Матвеева, утверждающего, что Милославские распространением разных ложных слухов старались вооружить стрельцов против Нарышкиных? Мы видели, что уже в первый день царствования Петра один полк не хотел присягать младшему царевичу³⁷.

Петр сам впоследствии указывал на Ивана Милославского как на главного виновника кровопролития, начавшегося 15 мая. Это мнение соответствует подробным рассказам Андрея Артамоновича Матвеева о крамолах Ивана Милославского, о гнусных средствах, употребленных им с целью погубить Нарышкиных и вообще сторонников исключительных прав Петра. Нельзя не считать рассказ Матвеева правдоподобным: и прежде при таких случаях отчаянной вражды между различными семействами или отдельными лицами распространяемы были ложные слухи о действиях людей, обреченных на гибель. Доносы и поклепы весьма часто бывали в ходу в Московском государстве. Немудрено, что в 1682 году были выдумываемы и тщательно распространяемы разные небылицы об отравлении царя Федора, о стараниях Нарышкиных убить царевича Ивана, о желании Ивана Нарышкина вступить на престол и проч.

Если бы даже некоторые подробности в записках Матвеева о ночных сходках у Ивана Милославского, о появлении разных агентов в Стрелецкой слободе и подлежали сомнению, то все-таки можно считать вероятным, что стрельцы, поднимая знамя бунта 15 мая, находились под влиянием высокопоставленных лиц придворной партии. Мы не знаем, каким образом появился в руках стрельцов список тех лиц, которые должны были погибнуть. Одной из первых и главных жертв был друг и советник царицы Натальи, боярин Артамон Сергеевич Матвеев.

Можно полагать, что царица Наталья Кирилловна с нетерпением ждала прибытия Матвеева. Его приезд 11 мая не столько был средством спасения многих жертв, сколько сигналом начала кровопролития. Первый прием, оказанный знаменитому государственному деятелю, прожившему несколько лет в ссылке, был благоприятен. С разных сторон ему оказывали уважение. Даже стрельцы всех полков поднесли ему хлеб-соль, «сладкого меду на остром ноже», как выражается сын Артамона Сергеевича в своих «Записках». На дороге в Москву встретили его семеро стрельцов, которые нарочно шли навстречу к нему, чтобы рассказать о волнениях товарищей и об опасности, которая грозит ему от них. Тем более удивительно, что Матвеевым, сколько мы знаем, не было принято никаких мер для предупреждения мятежа. Можно думать, что события 15–17 мая были результатом систематически задуманного, тайно подготовленного заговора.

15 мая утром мятеж вспыхнул. Стрельцы в полном вооружении побежали со всех сторон к Кремлю. Начались убийства, при которых мятежники действовали, очевидно, по предварительно составленному плану, руководствуясь списком жертв, на котором было обозначено не менее 46 лиц. Многочисленной толпой стрельцы явились у Красного крыльца перед Грановитой Палатой и громко требовали головы Нарышкиных, погубивших будто бы царевича Ивана. Напрасно им был показан царевич Иван в доказательство, что он жив и здоров и что никто его не «изводил»; напрасно выходили к толпе, стараясь ее успокоить, Матвеев и царица Наталья с юным царем Петром. Когда начальник стрелецкого приказа князь Михаил Юрьевич Долгорукий грозно крикнул на стрельцов и велел им немедленно удалиться, его схватили, сбросили с крыльца вниз на подставленные копыя и изрубили бердышами. Царица Наталья спешила укрыться с царевичами во внутренних покоях Кремля. Всякая деятельность правительства прекратилась. Не было никого, кто бы мог или захотел принять какие-либо меры против

³⁷ Аристов, восставая против достоверности рассказа Матвеева, не сомневается в том, что самим стрельцам пришлось в голову ходатайствовать за права Ивана, 71.

мятежников. Жизнь всех сановников оказалась в крайней опасности. Судьи, подьячие, приказные люди спрятались кто где мог. Присутственные места опустели³⁸.

Таким образом, стрельцы могли свирепствовать безнаказанно. Они ворвались во дворец и обыскивали в нем палаты. В этот день были убиты еще некоторые вельможи, между ними брат царицы Натальи Афанасий Кириллович Нарышкин. Другим родственникам ее удалось до поры до времени спрятаться в каком-то чулане. Там же находился и младший сын боярина Матвеева Андрей Артамонович, которому мы обязаны рассказом об этих событиях. И вне стен Кремля происходили убийства. Погибли известный боярин Ромодановский, думный дьяк Ларион Иванов, управлявший Посольским Приказом при царе Федоре, и другие.

На другой день убийства продолжались. С особенным упорством искали Ивана Нарышкина и иностранца-врача Даниила фон Гадена, обвиняемого в отравлении царя Федора Алексеевича. Обоих отыскивали не ранее как на третий день бунта и убили самым мучительным образом. Подробности этих происшествий, в особенности гибель Ивана Нарышкина, который по просьбе некоторых бояр, опасавшихся гнева черни, а также царевны Софьи был отдан стрельцам на растерзание, рассказаны в записках Матвеева и других современников. Нельзя, однако, сказать, чтобы эти частности заключали в себе что-либо, прямо служащее к обвинению царевны Софьи.

Заслуживает внимания обстоятельство, передаваемое в рассказе современника-очевидца, датского резидента, дающее нам возможность составить себе понятие о способе влияния придворной партии на стрельцов. Когда резидент, жизнь которого также находилась в опасности, стоял, окруженный толпой мятежников у Красного Крыльца, князь Хованский, принадлежавший, без сомнения, к приверженцам царевны Софьи, вышел из дворца и обратился к стрельцам с вопросом, не пожелают ли они удаления царицы Натальи от двора? В ответ, разумеется, раздались неистовые крики, что удаление царицы желательно³⁹.

Из следующих данных можно видеть, что 16 мая началось фактическое царствование царевны Софьи. Князь Василий Васильевич Голицын в этот день был назначен начальником Посольского Приказа; начальником Стрелецкого Приказа сделался князь Иван Андреевич Хованский; начальником Приказов Иноземного, Рейтарского и Пушкарского был назначен родной дядя царевны, боярин Иван Михайлович Милославский⁴⁰.

В некоторых случаях мятежники действовали, без сомнения, по собственной воле. Подобно тому, как во время бунта Стеньки Разина, в мае 1682 года, были разграблены правительственные архивы и сожжены в особенности бумаги, относящиеся к крестьянским делам. В старании уничтожить грамоты, на основании которых богатые люди владели крестьянами, можно видеть попытку дать толчок движению низшего класса. Попытка осталась тщетной. Крестьянской войны не было. Но целый ряд чрезвычайно строгих мер, принятых правительством против крестьян после восстановления порядка и тишины, свидетельствует о мере опасности, в которой находились государство и общество в этом отношении⁴¹.

После кровопролития еще несколько дней Петр оставался царем один. Пока об Иване не было речи. На деле, однако же, с самого начала бунта вся власть находилась в руках царевны Софьи. Нарышкины были устранены совершенно. Родственники царицы Натальи или были убиты, или, переодетые в крестьянское платье, бежали из Москвы. Относительно отца царицы в делах встречается следующее замечание: «Мая в 18-й день приходили всех приказов выборные люди без ружья и били челом Великому государю и государыням царевнам, чтобы боярина Кириллу Полуэктовича Нарышкина указал Великий государь постричь. И Великий государь

³⁸ Рассказ Матвеева в изд. Сахарова, 16.

³⁹ Устрялов, I, 344.

⁴⁰ Соловьев, XIV, Приложение, XXXVI.

⁴¹ Рассказ Бугенанта фон Розенбуша у Устрялова, I, 341. На строгие меры указано было Аристовым. ПСЗ, № 992.

указал его постричь в Чудове монастыре»⁴². Таким образом, мать Петра оставалась в одиночестве, в беспомощном положении. Многие вельможи, которые могли бы сделаться советниками царицы, пали жертвой мятежа. Торжество Софьи и ее приверженцев было полное.

Приходилось наградить мятежников, которые во время бунта «положили меж собою ничьих домов не грабить», и казнили тех, кто нарушал это правило. 19 мая солдаты и стрельцы пришли ко дворцу и просили выдать следуемые им деньги в количестве 240 тысяч рублей. Затем они требовали, чтобы имения убитых вельмож были конфискованы и розданы мятежникам. Наконец, они указали на некоторых вельмож, которых должно сослать⁴³.

Желания стрельцов были отчасти исполнены. Каждому из них дано по 10 рублей. Кроме того, было велено «животы боярские и остатки опальные ценить и продавать стрельцам самой дешевой ценой, а кроме стрельцов, никому купить не велено»⁴⁴.

Эти меры производят впечатление сделки, заключенной между новым правительством и мятежниками. Царевна таким образом наградила стрельцов за оказанные ей услуги.

Теперь Софья стояла на первом плане. Несколько лет спустя, в 1697 году, полковник Цыклер рассказывал, как в 1682 году после побоев бояр и ближних людей стрельцами царевна призывала его и приказывала, чтобы он говорил стрельцам, чтобы они от смущения унялись, «и по тем словам он стрельцам говаривал»⁴⁵.

В продолжение всей смуты Софья отличалась хладнокровием и решимостью, не раз говорила со стрельцами и заставила их очистить улицы и площади столицы от трупов. Стрелецкое войско, начальником которого сделался Иван Андреевич Хованнеин, было удостоено почетного названия Надворной пехоты.

При таких условиях скоро должно было кончиться единодержавие Петра. Перемена произошла, по-видимому, по требованию стрельцов; едва ли, однако, можно сомневаться в том, что на них было произведено давление со стороны партии Милославских. Смута началась с распространения слуха об опасности, угрожавшей жизни Ивана. Теперь же стрельцы вздумали отстаивать право Ивана на престол. 23 мая они прислали во дворец выборных, которые через князя Хованского объявили царевнам, что все стрельцы и многие чины Московского государства хотят видеть на престоле обоих братьев, Петра и Ивана. «Если же кто воспротивится тому, они придут опять с оружием и будет мятеж немалый». Царевны собрали бояр, окольничих и думных людей в Грановитой Палате. Все согласилось с требованием стрельцов. Тогда послали за патриархом и властями, призвали также выборных чинов от всех сословий и образовали собор. Некоторые члены решились сказать, что двум царям быть трудно; но другие возразили, что государство получит от того великую пользу, особенно в случае войны: один царь пойдет с войском, другой останется в Москве для управления государством; люди грамотные приводили примеры из древних времен; ссылались на Фараона и Иосифа, на Аркадия и Гонория, на Василия и Константина, царствовавших совокупно⁴⁶. Собор определил: «Быть обоим братьям на престоле». После этого в Успенском соборе совершено благодарственное молебствие с возгласением многолетия царям Ивану и Петру. Оба они стояли на царском месте рядом⁴⁷.

Но главная цель еще не была достигнута. Нужно было идти дальше. Стрельцов известили, что царь Иван болезнует о своем государстве, да и царевны сетуют, давая тем понять, что между царями происходят распри. Опять выборные от стрельцов явились во дворец, сказали: «Чтобы не было в государских палатах смятения» и требовали, чтобы Иван был первым, а Петр

⁴² Соловьев, XIV, Приложение, XL.

⁴³ Соловьев, XIV, Приложение, XL.

⁴⁴ Желябужский. Записки, 2.

⁴⁵ Соловьев, XIV, 248.

⁴⁶ Не странно ли, что не вспомнили о двоевластии Михаила и Филарета?

⁴⁷ По рукописному созерцанию Медведева, у Устрялова, I, 42.

вторым царем. Опять был созван собор (26 мая), и опять все присутствовавшие согласились исполнить требование стрельцов. Иван сделался первым царем, Петр вторым. Цари угощали по два полка стрельцов ежедневно в своих палатах.

Царь Иван V. XIX в.

Наконец 29 мая стрельцы объявили боярам, чтобы «правительство, ради юных лет обоих государей, вручить сестре их». По рассказу современника, цари, царица, патриарх и бояре обратились к Софье с просьбами принять на себя бремя правления. Она, как и следовало в

подобных случаях, долго отказывалась, но наконец изъявила готовность сделаться правительницей. «Для совершенного же во всем утверждения и постоянной крепости» она повелела во всех указах имя свое писать вместе с именами царей, не требуя, впрочем, другого титула, кроме «великой государыни, благоверной царевны и великой княжны Софьи Алексеевны»⁴⁸.

Все эти события оказались возможными лишь при отсутствии государственных постановлений относительно права престолонаследия. Они доказывали слабость авторитета патриарха и ничтожность так называемых соборов. Двор вообще, вельможи, высшее духовенство, представители власти и общества играли жалкую роль орудия в руках стрельцов; стрельцы же действовали, очевидно, под влиянием партии царевны Софьи.

Смута кончилась торжественным объявлением заслуг стрельцов. Они сами требовали такого объявления. 6 июня жалованной грамотой за красной печатью, от имени обоих царей злодейства стрельцов были объявлены «побиением за дом Пресвятой Богородицы» и в честь полков Надворной пехоты велено было на Красной площади, близ Лобного места, воздвигнуть каменный столб с прописанием мнимых преступлений несчастных жертв трехдневного бунта, при строжайшем запрещении попрекать стрельцов изменниками и бунтовщиками. О Долго-руких было сказано, что они не слушались указов государя; Ромодановский был обвинен в изменнической отдаче Чигиринской крепости туркам; Матвеев назван «отравщиком» и проч. Кроме того, стрельцам дарованы разные льготы, прибавлено жалованье, ограничена служба; запрещено полковникам употреблять стрельцов в свои работы или наказывать их телесно без царского разрешения⁴⁹.

Как видно, Софья должна была исполнить все требования стрельцов. Полковникам Цыклеру и Озерову было поручено наблюдать за тем, чтобы столб был воздвигнут очень скоро. Памятник не имел монументального характера. Надписи были сделаны на жестяных досках. Столб этот простоял недолго.

Единодержавие Петра продолжалось не более четырех недель. О занятиях десятилетнего отрока в то время сохранились некоторые документальные данные, из которых видно, что (до кровопролития) дядя царя, Иван Кириллович Нарышкин, в качестве оружейничего велел доставлять ему для игры в солдаты копья, два лука, пищажи, карабины, древки, тафты для знамен и т. п.⁵⁰ А 15 мая Петр стал свидетелем убийства боярина Матвеева. В ту минуту, когда началось кровопролитие, он вместе с матерью находился на Красном крыльце.

Все то, что впоследствии было рассказываемо о каком-то героическом мужестве юного царя, не заслуживает внимания. Через 15 лет после смуты русские послы в Голландии говорили одному миссионеру, что среди убийств Петр не обнаруживал ни малейшей перемены в лице, и своим бесстрашием изумил стрельцов. До чего доходили легендарные рассказы об этих событиях, видно из сообщаемого Штелиным анекдота, что во время смуты Петр с матерью бежал в Троицу, что там несколько стрельцов ворвались в церковь и увидели отрока-царя в объятиях матери в алтаре, что один из стрельцов замахнулся на царя ножом и проч. Этот рассказ лишен всякого основания. Петр во время смуты 1682 года не оставлял столицы, и в достоверных источниках нет ни малейших следов какого-либо покушения на жизнь царя в это время⁵¹.

Глава III. Начало регентства Софьи

Только два раза до 1682 года женщины управляли государственными делами России. Добрую память о себе оставила великая княгиня Ольга, мудро царствовавшая в X веке. Напро-

⁴⁸ Созерцание Медведева у Устрялова, I, 44 и 279.

⁴⁹ Жалованная грамота в Актах архивной экспедиции, IV, 361.

⁵⁰ Погодин, 37–38.

⁵¹ См. замечания Устрялова, I, 279–281.

тив, регентство матери Ивана Грозного, Елены Глинской, было тяжелым временем смут, придворных крамол, упорной борьбы боярских партий. После Петра в продолжение большей части XVIII века царствовали женщины. Семилетнее правление Софьи (1682–1689) было как бы вступлением в эпоху преобладания женского элемента в правительстве.

Дочери царя Алексея во время его царствования воспитывались и жили по обычаю в строгом уединении скромного терема. При царе Федоре им жилось гораздо свободнее и привольнее. Молодая мачеха, царица Наталья, не имела никакого на них влияния, не могла сдерживать их. Они начали обращать внимание на государственные дела, полюбили польские моды, подумывали о светской жизни в противоположность существовавшему до этого затворничеству царевен. Всех способнее, образованнее, предприимчивее была Софья. Ей удалось забрать в свои руки бразды правления. Наравне с ней могли иметь право на регентство другие женщины царской семьи: мать Петра, супруга царя Федора, дочери царя Михаила, Анна и Татьяна. О них, однако, при смелости и силе воли Софьи не было и речи.

Спрашивалось: сумеет ли правительница при чрезвычайно неблагоприятных условиях развития политических способностей женщин в то время решить предстоявшие ей трудные задачи, избрать советников и сотрудников, сделать кое-что полезное для государства до достижения Петром совершеннолетия? Чем успешнее бы она управляла, тем легче можно было забыть о том насилии и кровопролитии, которому она была обязана своим положением во главе правительства.

Княгиня Софья Алексеевна, регентша при русских царях Петре I и Иване V в 1682–1689 гг.

Иллюстрация из книги XIX в.

Прежде всего нужно было думать о средствах для успокоения государства после смуты. Буря утихала мало-помалу; однако существовало еще много революционных элементов, устранение которых лежало на обязанности правительства. Для этого была необходима чрезвычайная сила воли, диктаторская власть. В продолжение первых месяцев правления Софьи опасности, грозившие государству, не прекращались. Нельзя отрицать, что правительница действовала при этом смело и целесообразно.

Анархические элементы, с которыми приходилось бороться новому правительству и впоследствии, в царствование Петра, довольно часто делались весьма опасными. То были: крестьянское движение, мятежи войска. И при Софье, и потом при Петре эти опасные явления вызывали со стороны правительства ответные строгие меры.

Прежде всего оказались опасными раскольники.

Двадцать лет с небольшим прошло с тех пор, как при патриархе Никоне распространение раскола приняло большие размеры. В последние годы царствования царя Алексея раскольники восставали с оружием в руках против правительства. Несмотря на казни, пытки и ссылку, зло не прекращалось. Религиозная борьба находилась в тесной связи с противогосударственными элементами в народе. Раскольники соединялись охотно и легко с людьми, ненавидящими усиленную государственную власть, с противниками недобросовестного чиновного люда, с казачеством.

Каждый случай столкновения с властью легко получал некоторый религиозный оттенок. Общество, мало заботившееся о чисто политических вопросах, всегда было склонно к богословским рассуждениям; фарисейство заменяло настоящую религиозность. Довольно часто взбунтовавшиеся крестьяне, солдаты и казаки оправдывали свой образ действий тем, что они стоят за дом святой Богородицы. Мы видели, что и стрельцы в 1682 году употребляли это выражение. Чем менее образование вообще проникало в народ, тем более он был доступен теориям ограниченного византизма и фарисейского застоя. Чем больше внимания обращалось на обрядность раскольниками, на внешнее благочестие, тем сильнее они действовали против новшеств не только церковных, но и гражданских. Между тем как правительство сознавало необходимость сближения с Западной Европой, раскольники, косневшие в своей старинной исключительности и односторонности, считали такое стремление к Западу религиозной изменой. Масса народа, сознание которого было устремлено не вперед, а назад, сочувствовала воззрениям раскольников. Одним из самых замечательных знатоков раскола последний был справедливо сравнен с Лотовой женой, обернувшейся назад и оставшейся неподвижной.

Раскол был в одно и то же время элементом анархическим и ультраконсервативным. Анархическим – по готовности каждую минуту восставать против власти, консервативным – по склонности к протесту против всякого нововведения и всякой реформы. Чем более склонно к преобразованиям было правительство, тем сильнее оно должно было столкнуться с расколом. Недаром между приверженцами Стеньки Разина незадолго до 1682 года находилось много раскольников. Немного позже, в течение нескольких лет сряду, приходилось осаждать Соловецкий монастырь, сделавшийся притоном раскола. Многие современники и участники этих событий еще были в живых: они ожидали случая для возобновления враждебных действий против власти.

Когда во время стрелецкой смуты авторитет правительства исчез совершенно, раскольники надеялись, воспользовавшись удобным случаем, поправить свое положение. При этом они могли рассчитывать на покровительство некоторых вельмож. Начальник Стрелецкого Приказа князь Хованский был старовер. Несколько дней спустя после кровопролития, в разных местах столицы появились расколоучители, требовавшие мер и средств к восстановлению истинной, старой веры; началась агитация против государственной церкви, слышались обвинения на образ действий патриарха; началось составление челобитных, в которых раскольники, жалуясь на притеснение истинной веры, требовали доставления им возможности защищать ее в публичных прениях о вопросах церкви и религии. Во всем этом проявлялась ненависть к высшим классам общества, зараженным, по мнению массы, латинской ересью.

Хованский покровительствовал этому движению, принимал у себя некоторых вожаков раскола и давал им советы⁵².

Старообрядцы требовали, чтобы при предстоявшем тогда венчании Ивана и Петра на царство литургию служили по старому обряду и при этом были употреблены просфоры со старым крестом. Главным агитатором был единомышленник известного Аввакума Никита Пустосвят, который, написав сочинение в защиту раскола, был сослан в 1667 году, а затем помилован

⁵² Устрялов, I, 53–60.

за свое мнимое отвлечение от раскола. Именно он находился в сношениях с князем Хованским. Ко дню венчания царей Никита Пустосвят напек просфоры по своему толкованию и в самый день коронации отправился в Успенский собор, но за несметным множеством народа на площади не мог пробраться в церковь. Между тем венчание совершилось по установленному чину, с обычными обрядами и торжественным величием. Это было 25 июня.

В следующие дни волнение возросло. С разных сторон раскольники собрались в большом количестве в Москве; происходили сходки. Агитация была в полном разгаре, особенно в частях города, обитаемых стрельцами. Расколоучители являлись на улицах и площадях, наставляли народ, возбуждали толпу к мятежным действиям. Впрочем, стрельцы далеко не все были за раскол. Сторонники различных мнений спорили горячо и упорно; с обеих сторон сыпались нарекания и угрозы.

При посредничестве князя Хованского фанатики достигли того, что 5 июля в Кремле, в Грановитой Палате, происходил между раскольниками и архиереями диспут о вере и религии. Трудно понять, каким образом правительство могло согласиться на эти публичные прения. К тому же каждую минуту можно было ожидать открытого мятежа, потому что взволнованная чернь, толпившаяся около дворца, требовала, чтобы спор о вере происходил в присутствии всего народа на Красной площади.

Согласившись на устройство прений, правительница требовала, чтобы последние происходили в ее присутствии. Весь двор, царевны, патриарх, высшее духовенство собрались для выслушивания жалоб раскольников. Толпа, ворвавшаяся во дворец, тут же у дверей Грановитой Палаты столкнулась с некоторыми духовными лицами. Произошла схватка, так что Хованский вооруженной рукой должен был восстанавливать тишину.

Заседание открылось вопросом, с которым Софья обратилась к раскольникам: «Зачем так дерзко и нагло пришли во дворец?» После этого начал говорить Никита Пустосвят, которому возражали патриарх и Афанасий, архиепископ Холмогорский. Никита разгорячился и бросился к Афанасию с неистовством. Выборные стрельцы должны были защитить архиепископа. В самых резких выражениях царевна порицала образ действий Никиты, особенно когда он осмелился нападать на учение Симеона Полоцкого, бывшего наставника Софьи. Затем спорили некоторое время о разных пунктах раскольниковей челобитной. Несколько раз говорила и царевна с особенным раздражением, когда староверы стали доказывать свою любимую мысль, что еретик Никон поколебал душу царя Алексея Михайловича. Спор превратился в сильный шум. В гневе Софья сошла с трона. «Нам ничего более не остается, как оставить царство!» – сказала она. В мятежной толпе заговорили: «Пора, государыня, давно вам в монастырь; полно-де царство мутить; нам бы здоровы цари-государи были, а без вас-де пусто не будет». Но бояре и выборные стрельцы, окружив царевну, клялись положить свои головы за царский дом и уговорили ее возвратиться на прежнее место. Прения продолжались. Однако, когда Никита Пустосвят назвал архиереев плутами, царевна велела объявить раскольникам, что за поздним временем нельзя продолжать спора. Царские особы и патриарх удалились. Выходя к народу, раскольники торжествовали, показывая вид, что одержали победу над архиереями.

Правительница решила принять энергичные меры. Она призвала выборных стрельцов от всех полков, обласкала их, сулила им награды, угостила их из царских погребов, раздала им деньги. «Нам нет дела до старой веры», – сказали они, возвратившись в слободы.

Смятение продолжалось около недели. Носилась молва, что опять будет кровопролитие, что стрельцы собираются идти к Кремлю. Однако царевна велела схватить главных предводителей раскола. Никита Пустосвят был казнен на Красной Площади. Мало-помалу волнение утихло. Оставалась лишь опасность, что начальник стрелецкого войска князь Хованский благоприятствовал движению раскольников⁵³.

⁵³ Главными источниками для истории этого эпизода служат записки Медведева и Саввы Романова. См. Устрялов, I, 46–

Из этих событий видно, как легко можно было влиять на стрельцов. С одной стороны, они были доступны влиянию расколоучителей, с другой – их задобрила без труда царевна, нуждавшаяся в их помощи для расправы со староверами. Эта черта имеет значение и для оценки событий в мае 1682 года.

Светская власть, позаботившаяся о защите церкви, должна была принять строгие меры против раскола. После наказания главных расколоучителей в столице, их приверженцы, прибывшие в Москву во время волнения, спасались бегством в разные места. Приходилось следить за ними и в отдаленных от столицы областях для предупреждения и там мятежных действий. Таким образом объясняется целый ряд крутых мер, принятых в это время. Преимущественно берега Волги и Дона сделались убежищем староверов. В ноябре 1682 года разосланы были грамоты ко всем архиереям о повсеместном сыске и предании суду раскольников. Правительство, и духовное, и гражданское, вооружилось против раскола грозными средствами, когда почувствовало свою силу. Благодаря этим мерам сделалось очевидным, что борьба против новой церкви, против государства, против «анархиста» в массе народа была в полном разгаре. Сохранились данные о следствиях, произведенных по этим делам. пытки и казни, ссылка и костры не помогали. Были случаи самосожжения раскольников, осаждаемых в деревнях и монастырях царскими войсками. Многие староверы бежали за границу, в Польшу или в Швецию, или к казакам на крайнем юго-востоке, где борьба с ними приняла впоследствии, при Петре Великом, широкие размеры⁵⁴.

Едва правительство успело избавиться от опасности, грозившей ему от раскола, возник новый кризис. То была опасность военной диктатуры князя Хованского.

Хованский сам выводил свой род от Гедимины, но предки его не были известны в старину. Он не пользовался хорошей репутацией относительно своих способностей, так что царь Алексей Михайлович мог говорить ему: «Я тебя взыскал и вызвал на службу, а то тебя всяк называл дураком». Его считали человеком заносчивым, не умеющим сдерживать себя, непостоянным, слушающим чужих внушений. Народ дал ему прозвание Тараруй⁵⁵.

Сделавшись начальником стрелецкого войска, Хованский обнаруживал неприязнь к боярам. Ходили слухи о старании его вооружить стрельцов против бояр. Опасаясь сделаться жертвой бунта в пользу Хованского, Иван Милославский уехал из Москвы, укрывался, переезжая из одной подмосковной деревни в другую, «как подземный крот», по выражению современника, Андрея Артамоновича Матвеева. Стрельцам же в это время старались внушить, что бояре замышляли перевести стрелецкое войско. Волнение усиливалось. Разносились слухи о немедленно предстоявшем бунте против государей и церкви, поэтому 20 августа царское семейство удалилось в Коломенское. Москва опустела. Вельможи или также уехали в Коломенское, или отправились в свои деревни. На торжестве новолетия (1 сентября), всегда совершаемом с пышностью, в присутствии всего двора, никто из вельмож не участвовал, к досаде патриарха и к общему изумлению жителей столицы. Народ ждал больших бед.

Стрельцы отправили в Коломенское выборных с уверениями, что они не имеют никакого умысла, и с просьбой, чтобы двор возвратился в столицу. Сам Хованский поехал в Коломенское и рассказывал здесь, будто новгородское дворянство замышляет нападение на Москву, где станут сечь всех без разбора и без остатка. Когда правительница потребовала от Хованского, чтобы он отпустил в Коломенское Стремянный полк, на привязанность которого двор мог рассчитывать безусловно, он сначала ослушался. Нужно было повторить указ несколько раз, и тогда только он отпустил этот полк.

47, и приложение I, 284.

⁵⁴ Соловьев, XIV, 89. Аристов, 115.

⁵⁵ Соловьев, XII, 349–350.

Между тем явилось подметное письмо, в котором заключался извет на Хованского и сына его Андрея в замышлении цареубийства. Хованские, говорилось в этом письме, хотят убить царей Ивана и Петра, царицу Наталью, царевну Софью, патриарха и множество бояр, вооружить крестьян против господ, избрать старовера в патриархи и проч.

Мы не знаем, действительно ли поверила правительница этому доносу или только демонстрировала видимость, что верит ему, но как бы то ни было, двор удалился еще дальше от Москвы, переехав 2 сентября в село Воробьево, оттуда 4-го – в Павловское, затем 6-го – в Саввино-Сторожевский монастырь, затем еще дальше, в Воздвиженское. Отсюда 14 сентября был послан царский указ «быть в поход в село Воздвиженское из Москвы всем боярам, окольным, думным людям, стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам к 18 сентября». В окружных грамотах, отправленных во Владимир, Суздаль и другие города, Софья говорила об открытии страшного заговора Хованского и стрельцов, осуждала образ действий последних в середине мая, обвиняла их в совместном действии с раскольниками. «Спешите, – обращалась царевна в своем призыве к дворянам и всякого звания ратным людям, – спешите всегда, верные защитники престола, к нам на помощь: мы сами поведем вас к Москве, чтобы смирить бунтующее войско и наказать мятежного подданного»⁵⁶.

Напомним, что правительство в жалованной грамоте от 6 июня запрещало всем и каждому попрекать стрельцов изменниками и бунтовщиками. Теперь же само правительство делалось их обвинителем. Та же самая царевна, которая в мае угощала стрельцов вином, давала им денег и приказала воздвигнуть в честь их памятник, теперь, в надежде на помощь и защиту ратных людей всякого звания в борьбе со стрелецким войском, начала говорить о действиях стрельцов как о преступлениях; тот самый Хованский, который в мае действовал в качестве сообщника царевны, теперь считался преступником именно потому, что льстил стрельцам и считал их орудием для достижения своих целей.

На пути к Троицкому монастырю, который легко мог превратиться в неприступную крепость, двор и бояре остановились в селе Воздвиженском. Сюда правительница пригласила Хованского, чтобы выманить его из столицы, ласково похвалив его за верную службу, как бы для совещания по делам малороссийским. Хованский приехал с сыном Андреем и с небольшим отрядом стрельцов в Воздвиженское. Там, однако, до приезда князей Хованских происходило у царевны «сиденье» с боярами о важном деле: обсуждались вины Хованских; обвинение основывалось главным образом на подметном письме, и состоялся приговор: «По подлинному розыску и по явным свидетельствам и делам и тому известному письму согласно казнить смертью».

Боярин князь Лыков был отправлен с большим отрядом придворных по Московской дороге – схватить Хованских. Их привезли в село Воздвиженское и прочитали им приговор. Когда Хованские стали оправдываться и слезно просить, чтобы их выслушали, было приказано немедленно исполнить приговор. Хованских, отца и сына, казнили тотчас же у большой Московской дороги.

Судить о мере преступности Хованского нелегко; но ясно, что опасность военной диктатуры грозила ужасными последствиями. Власть стрельцов и их начальника могла уничтожить разом весь двор, правительство, бояр. Нужно было действовать быстро, решительно, даже пренебрегая правилами нравственности. Казнь Хованского была спасением. О громадном значении его как начальника войска свидетельствует то обстоятельство, что после его казни оказалось вовсе не трудным справиться с этим, так называемым вторым стрелецким бунтом. И в 1689 году стрельцы не были особенно опасны именно потому, что не имели начальника⁵⁷.

⁵⁶ Акты архивной экспедиции, IV, № 268 и 269.

⁵⁷ Подробности этого события по рассказам Матвеева и Медведева, у Устрялова, I, 83 и след. «Сиденье» Софьи с боярами до казни Хованских см. у Соловьева, XIII, 376 и след.

Правительница придавала очень серьезное значение бунту Хованского, это видно из ее признательной памяти Саввино-Сторожевскому монастырю. Там была построена церковь, освященная в 1693 году, в память спасения царей и царевны, «когда Хованский со стрельцами на жизнь обоих государей и покушался»⁵⁸.

Хованского обвиняли в намерении убить обоих царей, Ивана и Петра. Однако младший сын Хованского Иван, сосланный при Софье, после государственного переворота 1689 года занял довольно видное место. Можно думать, что Петр вовсе не был убежден в преступных умыслах Хованских.

Этот младший сын князя Хованского, бывший в селе Воздвиженском свидетелем казни отца и брата, ускакал в Москву и сообщил стрельцам о случившемся. Стрельцы заняли Кремль и захватили запасы военных снарядов. Патриарх не был в состоянии остановить движение стрельцов: они грозили убить его и перебить всех бояр. Можно было ожидать отчаянной борьбы между различными классами общества.

Между тем князь Василий Васильевич Голицын позаботился об укреплении Троицкого монастыря; сюда собрались со всех сторон ратные люди на помощь правительству. Достоинство внимания, что были призваны и иноземцы – воины, проживавшие в Немецкой слободе близ Москвы. Правительство доверяло им вполне. И в 1662 году по случаю коломенского бунта царь Алексей пригласил иноземцев на помощь; позже, в 1689 году, когда происходила развязка борьбы между Софьей и Петром, иноземцы тоже явились в Троице-Сергиевом монастыре и этим содействовали победе Петра над Софьей⁵⁹.

Видя военные приготовления в Троице-Сергиевом монастыре, стрельцы, лишившиеся начальника, решились отказаться от дальнейших мятежных действий. По приглашению правительницы они отправили в Троицу выборных, которые от имени стрелецкого войска изъявили раскаяние.

Как видно, стрельцы плохо надеялись на свою силу и свое военное искусство. Только что подняв знамя бунта, они мгновенно превратились в покорных рабов. Не только в записках современников, переполненных анекдотическими и легендарными чертами, но и в архивных делах встречается замечание, что стрельцы прибыли в лавру с плахой и топором в знак того, что они достойны смертной казни и отдают себя во власть правительства⁶⁰.

Немногие стрельцы были казнены, – вообще же мятежников помиловали. Между условиями, на которых им даровалось прощение, встречаются следующие: к раскольникам не приставать, в чужие дела не мешаться (то есть не поднимать вопроса о крестьянах), за казнь Хованского не вступаться ни под каким видом⁶¹. Челобитчики на все согласились беспрекословно.

Немного позже стрельцы, очевидно, по внушению правительства, подали челобитную, в которой отказывались хвалиться преступлениями, совершенными ими в мае, уверяя, что лишь по злоумышлению Хованских просили тогда поставить на Красной площади столб. «И ныне мы, – сказано было в челобитной, – видя свое неправоное челобитье, что тот столб учинен не к лицу, просим: пожалейте нас, виноватых холопей ваших, велите тот столб с Красной площади сломать, чтобы от иных государств в царствующем граде Москве зазору никакого не было»⁶².

Столб был сломан 2 ноября; 6-го – двор возвратился в Москву. Мятежный дух еще продолжал по временам обнаруживаться в стрелецком войске, но думный дьяк Федор Леонтьевич Шакловитый, пользовавшийся особенным доверием правительницы и сделавшийся теперь начальником стрелецкого войска, умел сдерживать стрельцов.

⁵⁸ Приговор в ПСЗ, № 954.

⁵⁹ См. Аристов, приложение XXIV.

⁶⁰ Крекшин. – Соловьев, XIV. Приложение, стр. XLIII.

⁶¹ Устрялов, I, 94.

⁶² Соловьев, XIII, 383.

Оказывались необходимыми некоторые строгие меры в отношении крестьян, между которыми господствовало также сильное волнение. Недаром правительство требовало от стрельцов, чтобы они не вмешивались в чужие дела. Разграбление во время майского кровопролития Судного и Холопьяго приказов, в которых находились крепостные книги, было именно таким вмешательством в чужие дела. Теперь же, 13 февраля 1683 года, издан был указ: «Которые холопы взяли у бояр отпускные в смутное время за страхованием и с теми отпускными били челом кому-нибудь во дворы и дали на себя кабалы, тех отдать прежним их боярам и впредь таким отпускным не верить, потому что они их взяли в смутное время, неволей, за смутным страхованием; да этим же холопьям при отдаче их чинить жестокое наказание, бить кнутом нещадно; если же прежние господа не возьмут их, то ссылатъ в сибирские и другие дальние города на вечное житье»⁶³

⁶³ ПСЗ, № 992.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.